

ДОКЛАД

ЕВРАЗИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: БУДУЩЕЕ МЕГАКОНТИНЕНТА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5	ЕВРАЗИЯ И НОВЫЕ ТОРГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ: СЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ УДУШАЮЩАЯ ПАУТИНА?	43
ВВЕДЕНИЕ	7	ТТП: АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД	44
МИР К 2016 ГОДУ: НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ	11	ВРЭП: КИТАЙСКИЙ ПОДХОД	45
ЕВРАЗИЯ ОТ БРИТАНСКИХ МОРЕЙ ДО ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ УХОДЯЩЕГО ГОДА	19	БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РОССИЙСКИЙ ПОДХОД	46
МИРНЫЙ АТОМ?	22	ВЫБОР ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	47
СИРИЙСКИЙ ТУПИК?	23	ВО ГЛУБИНЕ ЕВРАЗИЙСКИХ РУД: КОНЕЦ СЫРЬЕВОГО СУПЕРЦИКЛА?	49
ВОЛНА ТЕРРОРА	24	ЦЕНЫ НА НЕФТЬ: ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ	50
БРИТАНИЯ: EXIT	26	КИТАЙСКИЙ ДРАКОН: УСТОЙЧИВ ЛИ АППЕТИТ К СЫРЬЮ?	51
ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ ПО ТТП	27	ВЫБОР ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	51
ТУРЕЦКИЙ МАРШ	28	ИНФРАСТРУКТУРА ЕВРАЗИИ: ПЕРЕКРЕСТОК ИЛИ ТУПИК?	52
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ГОНКА В США	29	КИТАЙСКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ЕСТЬ ЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?	53
ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ В ЕВРАЗИИ: СОПЕРНИКИ ИЛИ ПАРТНЕРЫ?	33	ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ТУПИК ИЛИ МОСТ?	54
ЕВРАЗИЯ И ЭРА ТУРБУЛЕНТНОСТИ	34	ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ЕВРАЗИИ: ИСТОЧНИК НЕСТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ БОГАТСТВА?	57
ТРЕУГОЛЬНИК США-КИТАЙ-РОССИЯ	34	БЛИЖНИЙ ВОСТОК СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ: МИГРАЦИЯ, РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ СВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ	59
США-КИТАЙ	35	ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ 4.0: НУЖНЫ ЛИ ЛЮДИ?	59
США-РОССИЯ	37	ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ	59
РОССИЯ - КИТАЙ	38	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ	39		
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА НА РАЗРЫВ?	39		

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Астанинский клуб собрался на свое первое заседание в ноябре 2015 года. Тогда Фонд Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации видел свою задачу в том, чтобы создать площадку для спокойного и доверительного диалога о судьбе Евразии — гигантского мегаконтинента, события на котором определяют лицо всего мира. Усилия Фонда были активно поддержаны руководством Республики Казахстан, без помощи которого возникновение Астанинского клуба было бы невозможно. Наше приглашение приняли около 40 экспертов мирового уровня, представляющие различные страны — от глобальных центров силы до ключевых региональных игроков. Точки зрения участников из Европы, Китая, России, США и, конечно, Казахстана были представлены в первом аналитическом докладе Астанинского клуба «Геоэкономика Евразии». Три дня глубоких дискуссий, проходивших в конфиденциальной и доверительной атмосфере, позволили подробно обсудить развитие основных тенденций на евразийском пространстве.

Прошедший год показал, что возникновение в Астане новой диалоговой площадки оказалось более чем своевременным. Вызовы, с которыми столкнулись Евразия и весь мир в 2016-м году, требуют обсуждения, основанного на доверии, взаимном уважении и желании искать компромисс. Но при условии честного признания проблем и противоречий. Именно такой подход на протяжении многих лет лежит в основе внешней политики Казахстана, которую последовательно проводит Президент Нурсултан Назарбаев. Это позволило Астане выступить посредником при решении многих острых кризисов в международных отношениях.

Мир и весь евразийский регион вступают в период турбулентности. Она вызвана посткризисной перестройкой мировой экономики, сменой политических лидеров во многих ключевых государствах мира, формированием новых торговых объединений, изменением глобальных технологических укладов и продолжением застарелых глобальных и локальных конфликтов. Во всем мире и в Большой Евразии идет игра на разрыв. И точками разрыва становятся, прежде всего, отношения между великими державами. На этом фоне Центральная Азия является одним из редких регионов, где и мировые, и региональные игроки демонстрируют ответственный подход. Именно это дает надежду

на то, что центр Евразии может стать тем местом, откуда атмосфера сотрудничества и надежды на возможность сочетать различные подходы может распространиться на весь мегаконтинент, послужив прообразом и для устойчивых глобальных решений.

Все актуальные вызовы, стоящие перед Евразией и особенно возникшие за последний год, требуют честного и ответственного обсуждения. Поэтому мы очень рады, что в этом году на наше предложение собраться в Астане ответили как многие участники первого заседания, так и другие ведущие эксперты. Основная ценность Клуба именно в возможности личного доверительного общения его участников. Однако мы по-прежнему уделяем большое внимание аналитической работе, воплощением которой в этом году становится представляемый вашему вниманию доклад «Евразия на перепутье: будущее мегаконтинента в глобальном мире». Новый доклад Астанинского клуба ставит перед собой задачу выявить основные узловые моменты взаимовлияния мирового развития и событий на евразийском мегаконтиненте, а также нащупать подходы для превращения Евразии из зоны соперничества держав и идеологий в зону гармонии и сотрудничества.

Новый доклад основывается на фундаментальных исследованиях Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации, а также на материалах интервью с участниками Астанинского клуба. Мы выражаем благодарность всем экспертам, принявшим участие в этой работе. Таким образом, доклад, который Вы держите в руках, — это и плод глобального экспертного диалога, и приглашение к новому разговору.

**Исполнительный директор
Фонда Первого Президента
Республики Казахстан —
Лидера Нации**

Сагындык НУРАХАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Год, прошедший с момента первого заседания Астанинского клуба, был насыщен многими событиями, способными изменить течение мировой истории и повлиять на судьбы Евразии. Этот период подтвердил, что на просторах мегаконтинента прослеживается борьба двух тенденций.

С одной стороны, в Евразии, как и во всем мире, идет игра на разрыв. Привычная стабильность, которая была характерна для послевоенного периода и долгих лет после окончания «холодной войны», рушится вслед за трансформацией мировой экономики, обострением геополитического соперничества великих держав, углублением социальных противоречий, приходом в движение огромных людских масс.

С другой стороны, евразийский макрорегион становится все более взаимосвязанным. При этом факторы, сшивающие огромный континент в единое пространство, разнообразны и многочисленны как никогда прежде. В отличие от прошлого, когда движущей энергией преимущественно были торговля и создание обширных империй, сегодня к объединяющим Евразию факторам можно отнести стратегические военно-политические и экономические интересы государств Запада и Востока, различные угрозы и вызовы в сфере безопасности, активизацию внешней политики различных стран, причем не только самых влиятельных и крупных. Все это в целом меняет привычную архитектуру Евразии. При этом именно центр континента, Центральная Азия, становится одним из узлов мировой геополитики. Регион может стать как причиной углубления противоречий и конфликтов в континентальном и глобальном масштабе, так и тем местом, которое поможет великим державам найти общий язык.

Евразия является неотъемлемой частью глобального мира. Процессы, протекающие на других континентах, задают тенденции, определяющие самочувствие евразийских государств.

Перестройка мировой экономики, стартовавшая после финансового кризиса 2007-2009 годов, идет полным ходом, и очертания нового хозяйственного миропорядка лишь начинают вырисовываться. У этой экономической перестройки много компонентов. Начавшаяся со «сланцевой революции» в США новая энергетическая эпоха задает иные ориентиры для экономической политики государств, особенно тех, чье благосостояние основывается на экспорте энергоносителей. Данный тренд поддерживает развитие альтернативной энергетики. В то же время так называемая «индустриальная революция 4.0» постепенно меняет лицо современного производства, а вместе с ним – привычный уклад глобального рынка труда. Вместе с развитием медицины и эволюцией систем социальной защиты она неизбежно приведет к тектоническим сдвигам в области демографии.

Эрозия мировой торговой системы, которая на рубеже тысячелетий была выстроена вокруг Всемирной торговой организации (ВТО), ведет к возникновению макрорегиональных торговых блоков вроде Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). С одной стороны, появляющиеся альянсы конкурируют за торговые и инвестиционные потоки в мировом масштабе, с другой все больше влияют на правила игры за пределами своих границ. ТТП и ТТИП будут опосредованно влиять и на экономическую интеграцию в центре Евразии, включая работу Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В то же время такие континентальные державы, как Россия и Китай стремятся предложить свою альтернативу ориентированным на США блокам, что выражается в таких проектах, как экономическое партнерство Большой Евразии и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство.

Новые транспортные коридоры, пролегающие через центр Евразии, способны еще больше связать регион физически. Ключевую роль здесь играет инициированный Китаем проект «Один Пояс – Один Путь». Однако свою роль будут играть и поддерживаемый США «Новый Шелковый путь»,

и инфраструктурные инициативы самих континентальных держав, такие как казахстанский проект «Нурлы Жол». Все эти проекты, связывая между собой территории, увеличивают как скорость распространения материальных благ, так и угрозы для общей безопасности.

Тесно связана с этим и проблема неконтролируемой миграции, которая становится еще одной тенденцией, определяющей лицо современной Евразии. В движение уже пришли значительные людские массы, а в случае дестабилизации целых регионов можно будет говорить о новом «великом переселении народов». Благодаря более интенсивной миграции, появлению новых средств информации и коммуникации, население различных уголков Евразии все больше подвергается идейным влияниям. В том числе и влияниям всевозможной радикальной направленности, источники которых могут находиться за тысячи километров. Влияние на человеческий капитал в Евразии оказывает глобальная интеллектуальная конкуренция и появившаяся возможность из любой точки мира занять свою нишу в цепочках производства нового знания.

Наконец, многие страны мегаконтинента переживают внутреннюю трансформацию. Речь идет об изменении конфигураций внутри мощнейших интеграционных объединений, о чем свидетельствуют результаты референдума по выходу Великобритании из Европейского Союза. Сочетаясь с региональными и глобальными трендами, эти события задают вектор развития для всего евразийского мегарегиона.

Евразия – это, без всякого сомнения, нервный узел мировой геополитики и геоэкономики. На планете нет другого места, где бы сошлись интересы стольких государств – от великих держав до региональных.

При этом важно, что процессы в Евразии являются частью сложных процессов остального мира. Они являются их следствием и одновременно мотивируют их к изменению.

В то же время одним из важнейших факторов, формирующих политическую и экономическую реальность, становится восприятие этой реальности как лицами, принимающими решения, так и экспертами. Представления об одном и том же явлении, например, о сущности интеграции в рамках ЕАЭС или о китайском проекте «Один Пояс – Один Путь», могут быть диаметрально противоположными в зависимости от того, из какой географической точки тот или иной аналитик смотрит на данное явление. Полифония — это вообще одна из важнейших черт современной дискуссии о мироустройстве. Тем более в эпоху социальных медиа. Ведь дискуссии экспертов, живущих на разных концах планеты, уместаются в 140 символов записи в Twitter. При этом сами записи доступны миллионам глаз, и любой желающий даже может принять в них участие.

Стратегии поведения государств, корпораций и военных блоков основываются именно на интерпретациях реальности, порой различающихся между собой как день и ночь. Чем больше полярность интерпретаций, тем большее значение играют площадки и проекты, которые способны свести людей в одной точке физического, а не виртуального пространства. Когда у экспертов есть время на то, чтобы изложить свою точку зрения более развернуто, чем в одном твите, появляется большая вероятность, что точки зрения на одно и то же явление начнут сближаться, а аргументы противоположной стороны будут услышаны. Астанинский клуб создан именно как площадка для прямого разговора ведущих экспертов и мыслителей, анализирующих динамику развития Евразии в разных странах. Доклад, который Вы держите в руках — попытка описать магистральные тенденции развития Евразии и вызовы, стоящие не только перед всем мегаконтинентом, но и перед всем миром.

Нынешний доклад – это обобщение дискуссий, состоявшихся на первом заседании Астанинского клуба, и работы с экспертами на протяжении года.

Он сохраняет полифонию различных точек зрения, которые высказывались в ходе обсуждения экспертами из разных стран. Поэтому Клуб работает по правилам Chatham House, цитаты из выступлений экспертов приводятся в прямой или косвенной речи без указания авторства или институциональной принадлежности говорящего. В итоге текст содержит различные взгляды на одну и ту же проблему, порой диаметрально противоположные. Однако эта провокационность сохранена нами намеренно. Учитывая статус экспертов Клуба, их многолетний опыт и вовлеченность в серьезные дискуссии на высшем уровне, эта сложная, порой противоречивая картина полностью отражает ту глобальную полемику, которая идет в мировом экспертном сообществе о судьбах Евразии и тенденциях ее развития.

Таким образом, этот доклад является своеобразным путеводителем по дебатам о ключевых вопросах Евразии. Кроме того, мы снабдили изложение дискуссий участников описанием последних событий и количественной информацией, которая позволит лучше понять контекст. Аналитическая часть доклада во многом основана на материалах фундаментальных исследований, которые ведутся сотрудниками Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации.

При этом у доклада, как и у всей работы Астанинского клуба, есть и ценностная задача. Мы нацелены на поиск решений обсуждаемых проблем в духе компромисса для достижения баланса противоречивых устремлений различных игроков. Интересы всего региона заключаются в том, чтобы Евразия была мостом, а не становилась полем игры на разрыв.

---

1. МИР К 2016 ГОДУ: НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Современный мир находится на чрезвычайно интересном и одновременно очень важном этапе своего развития. Прежняя стройная концепция мирового устройства проходит сегодня испытание на прочность.

Идет постепенное снижение экономического роста. Оно влияет на многие параметры, включая цены на нефть, что сказывается на самочувствии стран, экспортирующих сырьевые товары. Данное обстоятельство ограничивает возможности их развития, хотя в то же время стимулирует поиски новых возможностей.

Главная проблема заключается в том, что нынешняя модель глобального развития в целом очень неустойчива. По большому счету глобальный мир исчерпал ресурс, образовавшийся в момент самого мощного в недавней истории геополитического события – распада целой мировой системы, когда бывшие социалистические страны с разной скоростью начали интегрироваться в мировую экономику. Тот геополитический взрыв имел огромные геэкономические последствия. Потенциал двух ранее противостоящих друг другу систем – мира капитализма и мира социализма – начал сливаться.

Сегодня в бывших социалистических странах бытует мнение, что данный процесс можно назвать скорее поглощением одного мира другим. Есть также те, кто полагает, что это было крайне агрессивное поглощение, которое привело к потере немалого производственного потенциала в странах бывшего Восточного блока. В то же время представители старых капиталистических стран считают произошедшее доказательством большей эффективности своей модели развития. Этим и объясняется, что именно их экономические принципы распространились на территории бывшего социалистического лагеря.

Но, в любом случае, для старых капиталистических стран открылись к освоению огромные новые рынки – вся Восточная Европа и бывший СССР. Отдельно стоит рассматривать Китай и Вьетнам. В этих странах раньше начали процесс адаптации к внешнему миру.

Опыт реформирования Китая наглядно продемонстрировал те возможности, которые существовали для прежних социалистических стран и которыми многие из них не воспользовались. Но была и альтернатива, которую

продемонстрировал пример Восточной Германии. Развитая по меркам социалистических стран экономика ГДР была просто ликвидирована новыми собственниками из Западной Германии. Они посчитали эту экономику неэффективной и не подлежащей реформированию. При этом потребности нового рынка были закрыты за счет не слишком значительного расширения производства на западногерманских производствах. Между этими двумя крайними вариантами развития событий и находятся все остальные страны бывшего социалистического лагеря, которые пережили адаптацию к рынку.

Но, в любом случае, именно с начала 1990-ых годов глобальная экономика получила новый импульс для своего развития. На том этапе это отвечало интересам практически всех участников процесса. Бывшие социалистические страны получили технологии, инвестиции и доступ к финансовым инструментам. Некоторые из них обрели преимущество от высоких цен на отдельные товары, в частности на сырье.

В свою очередь компании прежних капиталистических стран получили новые рынки сбыта. И это было важное отличие, потому что для многих новых капиталистических стран, выходцев из мира социализма, основным субъектом и главным мотиватором процессов часто оставалось государство, которое даже в новых условиях продолжало доминировать над экономикой. В то время как для старых капиталистических стран субъектами экономической политики были именно компании, как крупные, так и средние и мелкие.

При этом важно отметить, что все регулирующие институты в эту новую глобальную экономику пришли из старой капиталистической экономики, что в целом было понятно и объяснимо. Прежние капиталистические страны обеспечивали большую часть мирового ВВП, они имели развитую интеллектуальную сферу и обладали большей частью патентов на технологическую продукцию. В этих странах находились главные юридические компании, основные рейтинговые агентства, крупнейшие банки и основные капиталы. Последнее обстоятельство было очень важным, поскольку именно такие капиталы обеспечивали государство почти неограниченным кредитом. Еще со времен англо-голландских войн XVII века известно, что такая возможность является способом финансирования государственных расходов.

Важно и то, что западные страны обеспечивали также спрос на продукцию для лидеров модернизации в Азии. Напомним, что экспортно-ориентированная экономика в Восточной Азии во многом опиралась на профицит в торговле с США и Западной Европой. Так было в случае с Японией, затем с Южной Кореей, сегодня с Китаем и Вьетнамом.

Для Соединенных Штатов Америки постоянный и весьма значительный дефицит в торговле с модернизирующимися азиатскими странами не выглядит бесспорно правильным решением. Об этом говорил кандидат в президенты США Дональд Трамп, который ставил вопрос о цене такой политики для американцев, о потере рабочих мест и налогов. Но примечательно, что США на протяжении десятилетий были важным мотиватором такой политики. Можно вспомнить ситуацию с соглашением в отеле Плаза в 1985 году, когда Япония согласилась укрепить свою валюту. Следует отметить две тенденции, которые наметились после этого. Во-первых, японская экономика с тех пор находится в весьма сложном положении. Она практически не растет, потому что укрепление иены снизило конкурентоспособность японской экономики на мировых рынках и, в первую очередь, в США. Во-вторых, начиналось время Китая, который стал строить экспортно-ориентированную модель развития экономики.

Характерно, что сегодня очень важный момент отношений Китая и США как раз связан с вопросом дефицита в торговле между этими двумя странами. В частности, Вашингтон настаивает на укреплении юаня, а Пекин стремится сохранить профицит в торговле не только с США, но и с Европой и, напротив, ослабляет юань. Среди проблем, стоящих сегодня перед Китаем, выделяется задача перехода к такой модели, когда экономический рост обеспечивается за счет внутреннего спроса. Это считается показателем развитости страны и ее готовности перейти на новый качественный уровень. В то же время такой переход ведет к росту импорта и повышает степень экономической взаимозависимости в мировом масштабе.

В любом случае главным результатом глобализации последних 25 лет является повышение общей взаимозависимости. К примеру, Китай не только является главным экспортером в мире. Эта страна также много импортирует. В частности, в 2014 году было импортировано одних только

полупроводников на 218 млрд. долл. США, а 21 млрд. долл. выплачен за авторские права. Очевидно, что последнее обстоятельство является одним из условий для доступа на рынки США и Европы.

Но у любого развития, в том числе глобального, есть свои пределы. Сегодня многие проблемы связаны с тем, что прежний потенциал исчерпан. Вопрос стоит об определении дальнейшего пути развития. И не вполне понятно, с чем этот путь будет связан: с дальнейшим расширением глобализации и большей унификацией или с ростом протекционизма и с защитой своих территорий. Первое связано с потерей идентичности. Второе, в конечном счете, может привести к изоляционизму.

Безусловно, главный вопрос связан с тем, означает ли дальнейшее развитие глобализации, что основные участники должны идти на серьезные уступки, или они к этому уже не готовы? Важно понять, перевешивают ли преимущества их нахождения в глобальной экономике все возможные недостатки.

Здесь надо отметить, что есть еще одна вполне очевидная модель поведения – ничего не менять. Но мировая экономика, несомненно, испытывает большие трудности, и они связаны не только с тем, что очень сложно поддерживать глобальный спрос, достаточный для обеспечения роста. Большее значение имеет проблема целеполагания в развитии мировой экономики. В настоящий момент мировое сообщество находится в трудном положении в связи с отсутствием идей относительно дальнейшего развития. При этом критика существующего положения дел все время усиливается. Самый типичный пример – появление Дональда Трампа в качестве кандидата в президенты США.

В связи с этим возникает вопрос об очевидных пределах, с которыми сегодня сталкивается глобальный мир. Похоже, что сегодня завершается количественный рост мировой экономики. Завершение количественного роста во многом связано с ограничением потребления, которое обеспечивает спрос.

Потребление на основных рынках (США, ЕС, Япония) практически не растет, его массивное стимулирование успеха не приносит, хотя и не приводит к росту инфляции.

В то же время теоретически возможный быстрый рост внутреннего потребления в Китае угрожает возникновением серьезных дисбалансов. Это может быть связано со снижением конкурентоспособности Китая из-за роста стоимости рабочей силы и увеличения импорта. В развивающихся странах или в странах так называемого «третьего мира» потребление недостаточно удовлетворено. Но в них нет необходимых условий для его роста, да и сам спрос качественно другой, чем в развитых странах.

В результате возникает очевидный дисбаланс. Капиталы все больше концентрируются в развитых странах, где им нет особого применения, где стареет население и не растет спрос. Там же, где есть спрос, где много молодого населения нет условий для капитала.

Капиталу нужны условия. С его точки зрения, страны, в которых нет таких условий, должны измениться и эволюционировать к стандартам развитого мира. Но в ответ развивающиеся страны могут сказать, что сделали свой вклад в глобальную экономику. Они предложили свои рынки, открыли их для свободной торговли и как результат во многих случаях потеряли свое внутреннее производство, которое оказалось неконкурентоспособным. Или у них просто не было шансов его создать. Причем, такая ситуация была характерна не только для государств так называемого «третьего мира», но и для многих стран ЕС из Южной и Восточной Европы.

По-своему правы обе стороны этой теоретической дискуссии. В рамках глобальной экономики далеко не все выдерживают конкуренцию, далеко не все могут найти свои ниши. Но в развитых странах могут возразить, заявив, что хотя регулирующие правила носили всеобщий характер, отдельные государства могли использовать свои аргументы в рамках общих правил. Например, активно модернизирующиеся страны Юго-Восточной Азии сохраняли различные формы государственной поддержки своих банков и производственных компаний, а в Китае продолжают использовать их до сих пор.

Для всех участников процесса глобализации постепенно становится все более актуальной идея защиты своих интересов. Это означает возможность перехода к политике протекционизма. Его распространение означало бы конец эпохи глобализации.

Однако развитие процесса глобализации в итоге привело к тому, что ведущие страны оказались во взаимной зависимости друг от друга. Например, компании США инвестировали по всему миру 6,3 трлн долл. Сегодня 500 крупнейших корпораций 40% своего дохода получают за пределами США. В свою очередь, Китай к 2014 году инвестировал 730 млрд долл. по всему миру и планирует довести эту сумму до 2 трлн долл.

Большая проблема связана с тем, что вероятная война протекционизмов в отношении национальных экономик может привести к сокращению мировой торговли. Соответственно, это нанесет удар по всем участникам рынка.

В то же время основные участники рынка друг другу не доверяют. Если вдруг рынок сократится, например, из-за возникновения проблем с экономическим ростом у Китая, никому не хочется оказаться в проигрыше.

Недоверие сохраняется даже между США и ЕС. Некоторые страны Европы отказываются от предложения США заключить соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). Потому что в этом соглашении, как и в аналогичном ему Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), предполагается большая степень либерализации торговли, вплоть до отказа от части национального суверенитета. В Европе часто говорят, что ТТИП выгоден в первую очередь глобальным корпорациям, которые почти все являются американскими.

Но одновременно и в самих США тоже есть сильная оппозиция идеям, заложенным в ТТИП и ТТП. Один из кандидатов в президенты США Дональд Трамп в своих речах исходил из логики изоляционизма, которая проявилась в США на таком уровне впервые за долгое время.

В целом мировая экономика балансирует между продолжением глобализации, а, значит, усилением интеграции, повышением роли наднациональных институтов и политикой изоляционизма. И эта ситуация ставит главный вопрос: как обеспечить глобальное регулирование в условиях существования множества субъектов и разного уровня их организации?

Пока же представляется, что основные игроки хотели бы отложить решение до лучших времен. С этим связано активное наращивание долгов, которое происходит сегодня по всему миру. Например, государственный долг США с 2008 года вырос с 41% по отношению к ВВП до 74%. В ЕС — с 47% до 70%. В Японии с 95% до 126%. Совокупный долг в мире с 2007 по 2014 год увеличился до 57 трлн долл. Задолженность китайских компаний в 2015 году превысила 16 трлн долл. Общий долг Китая — внутренний и внешний, — в 2016 году достиг 25 трлн долл. или 237% от ВВП.

Понятно, что данные цифры сегодня не критичны для большинства стран. Особенно таких как США, Евро-союз и, возможно, Китай. Но интересна общая тенденция. Сама способность создавать такие долги связана с возможностями глобальной экономики. Но это же демонстрирует ее пределы роста, связанные с ограничениями спроса. Капитал не видит перспектив, в первую очередь, на развивающихся рынках, хотя там и присутствует потенциально весьма значительный неудовлетворенный спрос. В то же время спрос в развитых странах все время стагнирует. Государственные бумаги выглядят для этих стран лучшей альтернативой. Но очевидно, что бесконечно так продолжаться не может.

Фактически мир стоит перед дилеммой глобализация versus изоляционизм. Здесь стоит отметить, что во время Великой депрессии (1929-1933) проблема выхода из кризиса была связана с тем, что все основные экономические игроки того времени стали применять протекционизм. В результате мировая торговля сократилась в своих размерах, а экономики отдельных стран попали в состояние длительной депрессии. В частности, поэтому по время кризиса 2007–2009 годов самое важное заключалось в том, чтобы не допустить падения мировой торговли.

Стоит обратить внимание, что одна из причин кризиса 2007–2009 годов была как раз связана с ликвидностью для потребностей мировой экономики. В период бурного роста было очевидно, что экономике не хватает средств для того, чтобы обслуживать все растущие потребности. Рост цен на сырье вел к росту цен на реализацию проектов. Соответственно, требовалось больше средств. Бурно развивающиеся страны бывшего «третьего мира» реализовывали все больше и больше проектов, для которых было

необходимо финансирование. Эмиссия средств со стороны США и ЕС не могла обеспечить мировую экономику достаточными ресурсами.

В результате западные финансовые институты стали активно использовать производные финансовые инструменты — деривативы. Деривативы позволяликратно увеличивать размер банковских средств, которые затем использовались для выдачи кредитов. Собственно, в 2007 году крах рынка деривативов и стал главной причиной кризиса. Он был во многом связан с бесконтрольностью западных финансовых институтов.

В то время остро обозначилась проблема несоответствия размеров глобальной экономики и обслуживающих ее интересы институтов, включая финансовые. То есть мировая экономика стала почти единой, но и правила игры, и финансы для ее существования остались в рамках развитых стран.

Все это привело к появлению идей о том, что нужно найти замену не только доллару как мировой резервной валюте, но и другим западным институтам — юридическим, рейтинговым агентствам, финансовым структурам. Однако, несмотря на предпринимаемые попытки, реализовать эти идеи крайне сложно.

Например, все те, кто недоволен доминированием США, хотели бы чтобы Китай, как ведущая по размерам экономика в мире, взял бы на себя создание альтернативной экономической модели. Но китайское руководство отдает себе отчет в сложности этой задачи и ее опасности для экономической стабильности страны. Поэтому Пекин не идет на обеспечение свободной конвертации юаня и на полное открытие своих финансовых рынков.

В данной ситуации Китай исходит из необходимости продолжать прежнюю логику экономического развития в рамках глобальной экономики. Он стремится повысить уровень конкурентоспособности, не меняя слишком быстро свои принципиальные подходы к взаимодействию с мировой экономикой.

От Китая и выбранной им стратегии развития сегодня зависит очень многое. Он стал ключевым элементом для судьбы глобализации в мире. И очень показательно, что КНР ищет новые решения, одним из которых является развитие многочисленных проектов в центре Евразии. Реализация данных проектов не только создаст транспортные коридоры, но и сформирует новый спрос. Это хорошее решение, пока не найден ответ на вопрос, что делать дальше в глобальном масштабе. В том числе и для государств центральной части Евразии. Они могут не только оказаться на перекрестке торговых путей, но и стать новой опорной точкой развития для мировой экономики.

**2. ЕВРАЗИЯ
ОТ БРИТАНСКИХ МОРЕЙ
ДО ЮЖНО-КИТАЙСКОГО
МОРЕЯ:
КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ
УХОДЯЩЕГО ГОДА**

Описывая разнонаправленные тенденции современного развития Евразии, невозможно не оглянуться на год, прошедший с момента первого заседания Астанинского клуба. Период между ноябрем 2015 и ноябрем 2016 годов содержал много событий, которые либо стали яркими выразителями современных тенденций, либо послужат предвестниками трендов будущего. Они демонстрируют, что все процессы ускоряются, что пространство для маневра сужается, вызовы множатся, а поиск ответов не становится проще.

Именно это характеризует наше беспокойное время, когда нет четких и ясных стратегических рецептов, когда никакие ранее незыблемые постулаты не могут служить абсолютной гарантией успеха. Мир меняется, он перестает быть черно-белым, перестает быть однолинейным. В нем нет хороших и плохих, есть интересы и борьба за их реализацию. Мир сегодня взаимозависим. Какими бы ни были политические, геополитические и идеологические разногласия между странами, во многом именно экономические интересы не дают перейти к глобальной конфронтации. Мир пока еще глобален, хотя изоляционистские настроения становятся все популярнее.

Это был очень интересный год для большой Евразии, насыщенный множеством ярких и громких событий. Одни из них потрясли мировую общественность, другие обнадежили, а третьи заставили задуматься о будущем.

Надежду, конечно же, внушает достижение соглашения по иранской ядерной программе и динамика развития событий вокруг Афганистана. Правда, конфликт в Сирии все еще продолжается, а договоренности о перемирии чаще всего не выполняются. Но важно уже то, что переговоры идут. И в этом большая заслуга России и США, которые пусть с большими трудностями, но все же разговаривают друг с другом. Причем, они делают это не только за себя, но и за своих партнеров и союзников, противоречия между которыми носят зачастую непримиримый характер. Поэтому риторика в переговорах между Россией и США бывает весьма жесткой, а переговорные позиции часто трудно сблизить. Но уже сам факт переговоров играет стабилизирующую роль. Они не дают какой-либо одной из сторон конфликта рассчитывать на свою окончательную победу.

Сейчас налицо классическое равновесие сил времен холодной войны. Но здесь важно, что глобальная конфронтация именно в духе той холодной войны еще не началась. Хотя мы должны учитывать, что противоречия между Россией и коллективным Западом, которые начались из-за событий на Украине, остаются фоном и для сирийского конфликта.

Стороны постепенно сближают свои позиции, хотя найти компромисс, потому что открытая конфронтация невыгодна сегодня никому – ни России, у которой есть очевидные проблемы в экономике, ни Западу, у которого немало своих сложностей. Достаточно вспомнить риторику Дональда Трампа или кризис традиционных партий в Европе, ставшие отражением этих сложностей. Впрочем, поиск компромисса не исключает ни жесткой риторики, ни игры на грани фола, что мы и наблюдаем.

Взаимную зависимость в мире можно наглядно проиллюстрировать на примере последних событий в Афганистане. На прошлом заседании Астанинского клуба один из китайских участников отметил, что Китай не выступает против строительства Трансафганского газопровода. Это было почти революционное заявление, потому что в последние 20 лет в центральной Евразии геополитическое противостояние основывалось на ряде ключевых моментов и, в основном, они были сосредоточены как раз вокруг борьбы за транспортные коридоры.

США стремились открыть новые коридоры в стратегически важный регион Центральной Азии, которые бы проходили не только через территории России, Ирана и Китая. Их цель – повысить уровень самостоятельности новых центрально-азиатских государств и снизить уровень их зависимости, прежде всего, от России. Москва, со своей стороны, стремилась не допустить проникновения третьих стран в Центральную Азию, имея в виду в первую очередь США. Речь шла о том, что коллективный Запад в целом и США в частности хотели бы создать вдоль границ России с запада и юга своего рода «санитарный кордон» из лояльных им государств по образцу аналогичного проекта в период между первой и второй мировой войной. Тогда в Восточной Европе «санитарный кордон» был создан из Польши, Чехословакии и Румынии с целью не допустить восстановления имперской мощи Германии и советской России. Позиция Китая все эти годы была ближе к российской. В Пекине тоже самым серьезным образом беспокоились по вопросу своей западной границы.

Таким образом, Трансафганский газопровод (ТАПИ) из Туркменистана в Пакистан, наряду с проектами создания коридоров через Кавказ, был одним из символов геополитического противостояния 1990-х годов. И, конечно, поддержка Китаем идеи его строительства означала глубокие изменения в геополитике региона.

В течение последнего года Китай самым активным образом участвовал в обсуждении афганской проблематики с США и Пакистаном. Более того, Пекин является одним из главных инвесторов в пакистанскую экономику и среди поддерживаемых им проектов тоже есть идея строительства транспортных коридоров через Афганистан в Центральную Азию.

Стоит также отметить эволюцию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В настоящий момент на повестке дня стоит вступление в эту организацию Индии и Пакистана. Здесь важно даже не то, что эти две страны с непростой историей двухсторонних отношений будут входить в ШОС, где сегодня преобладает влияние Китая. С ним, кстати, у Индии также исторически сложные взаимоотношения. Гораздо важнее, что, находясь в одной организации, страны-члены ШОС будут фактически охватывать Афганистан со всех сторон, кроме Ирана. Но вопрос о его вступлении остается открытым. Данную идею активно поддерживала Россия, и, похоже, это еще одна основа для будущего компромисса.

При этом интересно, что несмотря на сближение взглядов по афганской ситуации, в тоже время у Китая весьма напряженные отношения с США и их союзниками в Южно-Китайском море. Очень показательное судебное решение, вынесенное 12 июля 2016 года в Гааге третейским судом по иску «Филиппины против КНР»¹. Суд рассматривал иск Манилы к Пекину на основе Конвенции ООН по международному морскому праву (КМП). Филиппины пытались оспорить действия Китая в спорной акватории Южно-Китайского моря, где КНР в последние годы создавал искусственные острова с размещением на них военной техники, ограничивал деятельность филиппинских рыбаков, а также, по утверждению Манилы, наносил ущерб экологии.

Хотя арбитраж не мог принимать решения по сути территориального спора, его вердикт оказался практически целиком в пользу Филиппин. Эксперты встали на сторону Манилы,

¹ С текстом решения можно ознакомиться на сайте трибунала: <https://pca-cpa.org/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf>

обвинив КНР в нарушении ряда пунктов КМП. Суд признал ничтожными многие юридические основания Китая, которые тот использовал для утверждения своих территориальных претензий. На сторону Филиппин встали США и многие страны региона. В Китае вердикт вызвал волну народного возмущения. В обществе убеждены, что суд отнесся к Китаю предвзято, а сам вердикт является частью антикитайской кампании, организованной Японией и США.

Несмотря на то, что решение гаагского арбитража не будет иметь юридических последствий, оно может привести к углублению тлеющего конфликта между двумя сверхдержавами XXI века – США и КНР. Уже сегодня много говорят о возможных последствиях, включая гонку вооружений в районе конфликта и общее противостояние по всему Земному шару.

Вместе с тем ситуация в Южно-Китайском море не мешает Китаю активно взаимодействовать с теми же США по урегулированию в Афганистане. Причем, взаимодействие происходит на вполне предметном уровне. Например, на экспертных обсуждениях, в том числе и на заседаниях Астанинского клуба, часто ставится вопрос о том, может ли Китай ограничиваться только экономическими проектами.

Речь здесь идет не только о том, что Китай захочет трансформировать свое экономическое влияние в геополитическое. Проблема, скорее, в ответственности за обеспечение безопасности в регионе. Например, международная коалиция в Афганистане сегодня фактически финансирует афганское правительство, силы безопасности, и выступает в роли посредника в непростых отношениях между афганскими общинами. И это тоже часть процесса урегулирования, потому что попытки воссоздать афганское государство с помощью демократических процедур оказались весьма неэффективными.

Логика Китая, скорее всего, связана с тем, что экономическое развитие, в частности, получение Афганистаном доходов от эксплуатации ТАПИ, и в целом запуск транспортных коридоров не только обеспечат афганское государство ресурсами, но и повысят заинтересованность в результате всех участников процесса как внутри страны, так и за ее пределами. Фактически Китай выступает за создание новой

системы взаимозависимости в нашем регионе, наподобие той, которая существует на глобальном уровне. И это еще один пример, показывающий степень уже достигнутой взаимозависимости в мире, в частности, в отношениях между Китаем и США.

Последнее обстоятельство имеет большое значение, потому что конфликт вокруг Афганистана во многом питается противоречиями между внешними силами. Можно вспомнить 1990-е годы, когда движение «Талибан» поддерживали Пакистан, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. На ранней стадии талибов поддерживали даже определенные круги в США – американские нефтяники, лоббисты и отдельные чиновники. В это же время за Северным антиталибским альянсом стояли Россия и Иран.

Сегодня есть надежда, что противоречия вокруг Афганистана постепенно уйдут в сторону. И в этом огромную роль играет не только внешнеполитическая активизация Китая, в том числе по афганскому вопросу. Большое значение имеет также и урегулирование конфликта вокруг иранской ядерной программы.

МИРНЫЙ АТОМ?

16 января этого года Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) объявило, что Иран выполнил свою часть договоренностей, достигнутых 14 июля 2015 года в Вене представителями «шестерки» (Великобритания, Китай, Россия, США, Франция и Германия) и Исламской Республики. Как констатировало МАГАТЭ, Иран сократил количество центрифуг, необходимых для производства обогащенного урана с 20 тысяч до пяти и уменьшил запасы обогащенного урана на 98% — до 300 кг. Начался вывоз топлива с реактора на тяжелой воде в Араке². Одновременно будет происходить переоборудование этого реактора и он не сможет больше производить оружейный плутоний. В итоге в ближайшие пятнадцать лет в стране останется запас урана, необходимый только для работы АЭС в Бушере и для использования в медицинских и исследовательских целях. Но самое главное, что время, необходимое для создания атомной бомбы (break out time),

в результате исполнения Ираном соглашения увеличится с двух месяцев до целого года. Такое заявление сделал президент США Барак Обама³.

Здесь нельзя не отметить ту роль, которую сыграл Казахстан в самый трудный момент урегулирования иранской ядерной проблемы. В Алматы в феврале и в апреле 2013 года прошли два раунда переговоров. Накануне их проведения шестерка международных посредников и Иран зашли в тупик. Им понадобился принципиально нейтральный посредник, которым и стал Казахстан.

Венские соглашения 2015 года привели к отмене большей части международных санкций, введенных против Ирана в ответ на развитие его военной ядерной программы. В результате Тегеран получил доступ к замороженным ранее активам и возможность вернуться на мировой рынок нефти. Однако вопрос о судьбе всех замороженных активов все еще остается открытым. Потери Ирана от санкций, введенных в 2012 году, оцениваются как минимум в 120 млрд долл.

Значение событий 16 января 2016 года для Евразии сложно переоценить. В результате выполнения соглашения с «шестеркой» Иран смог эффективно выйти из изоляции и вновь стать активным игроком на евразийском пространстве. Доступ к замороженным активам и возврат нефтяных доходов позволят пополнить казну, укрепить экономику и снизить уровень социальной напряженности. Одновременно снятие международных санкций вновь делает Иран доступным для иностранных инвесторов, включая транснациональные энергетические компании и диверсифицированные холдинги.

Исламская Республика также может рассчитывать на превращение в транзитный хаб. Соответственно, сегодня Тегеран наряду с другими участниками проектов создания новых транспортных коридоров, такими как Пакистан и государства Центральной Азии, заинтересован в снижении напряженности в регионе в целом, и в урегулировании ситуации в Афганистане, в частности. Для Ирана проект вос-

становления Шелкового пути, который когда-то проходил через его территорию, это исторический шанс повысить свою конкурентоспособность. Тегеран может стать одним из важнейших центров силы во всем регионе.

В то же время на Ближнем Востоке у Ирана достаточно сложные отношения с группой арабских стран Персидского залива. Некоторые наблюдатели утверждают, что можно говорить о глобальном суннитско-шиитском конфликте. Но, несмотря на внешнеполитические противоречия, экономическая конкуренция остается среди главных приоритетов. Особенно, если учесть невозможность достижения кем-либо успеха в краткосрочной перспективе.

Мирное соглашение по иранской ядерной программе – это важный показатель того, что экономическое развитие, а, значит, и торговля и в целом взаимозависимость в экономике рассматриваются в качестве альтернативы возможной конфронтации.

Здесь можно провести интересную параллель с Китаем. Напомним, что в Южно-Китайском море ситуация весьма непростая. Здесь у китайцев много проблем, в том числе с американцами. Но в то же время на западном от Китая направлении идет вполне успешное взаимодействие Пекина с тем же Вашингтоном, потому что центральная часть Евразии для Китая это, прежде всего, стратегический тыл, где можно развивать экономические проекты.

Аналогичным образом складывается ситуация у Ирана. У него сложная система отношений на Ближнем Востоке, но в центральной части Евразии Тегеран активно участвует в решении актуальных вопросов экономического развития, включая создание транспортных коридоров. Очевидно, что Иран в целом заинтересован в урегулировании в Афганистане. Вопрос на каких условиях относится к тактическим задачам переговоров. Стратегически центральная Евразия для Тегерана — это чрезвычайно важный тыл, в отличие, например, от Сирии.

СИРИЙСКИЙ ТУПИК?

Сирия в последние годы, безусловно, стала местом концентрации целого ряда противоречий. При этом сложность сирийской проблематики заключается в том, что она носит многоуровневый характер.

На первом уровне можно выделить противоречия внутри самой Сирии, которые связаны с борьбой сразу нескольких местных общин за власть в стране. Это обстоятельство имеет ключевое значение. Общинный характер организации традиционных восточных государств приводит к тому, что после разрушения централизованной системы управления, которая чаще всего опирается на одну из местных общин, начинается конкуренция общин.

Так было в Ираке, где после свержения режима Саддама Хусейна, опиравшегося на суннитское арабское меньшинство, началась борьба между суннитами, шиитами и курдами. Так было в Ливии, где после свержения Муамара Каддафи началась борьба между общинами и племенами. Так происходит сегодня в Сирии, где правительство Башара Асада опирается на общину алавитов и где после начала гражданской войны остро обозначились интересы отдельных общин и племен. Ну, и, наконец, Афганистан. Здесь все попытки организовать демократический процесс формирования государственных институтов сталкиваются с проблемой межобщинной и межплеменной конкуренции. Без посредничества международной коалиции хрупкий мир в Афганистане опять может быть поставлен под сомнение.

Единственный относительно удачный пример межобщинного урегулирования можно наблюдать только в Ливане. Там установлен относительный баланс интересов, что, правда, не мешает организации «Хезболла» участвовать в войне в Сирии. Возможно, именно путь Ливана и является оптимальным для будущего политического устройства Сирии. При том, конечно, условии, что война не будет продолжаться до победы какой-то одной стороны.

На втором уровне находится конфликт интересов региональных держав, где хорошо видны контуры двух больших мусульманских коалиций. С одной стороны – суннитские государства Персидского залива, Иордания и некоторые другие страны. С другой – сирийское правительство Башара Асада, Иран и шиитские группы из Ливана и Ирака. В определенном смысле Сирия стала полем битвы региональных держав. Это уже практически напоминает Великую африканскую войну в Демократической республике Конго (1998-2001), в которой участвовать многие страны Африки.

² Iran nuclear deal: Key details, BBC, January 16, 2016 <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-33521655>

³ Заявление Барака Обамы на официальном сайте Белого дома: <https://www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy/iran-deal>

Третий уровень является отражением геополитической конкуренции между Россией и условным коллективным Западом во главе с США. При этом внезапное появление России в Сирии выглядит как стремление расширить повестку дня в своих отношениях с Западом, не остаться на периферии его интересов в связи с завершением острой фазы конфликта вокруг Украины.

По сути российско-американские отношения вокруг Сирии являются эпизодом некоей новой Большой игры между Москвой и Вашингтоном. Она, безусловно, является своего рода эхом прежней холодной войны, которое долетело после 20 лет относительно затишья. Хотя говорить о реинкарнации войны пока не приходится. Во-первых, за эти годы достигнут слишком высокий уровень взаимозависимости. А, во-вторых, между нынешними конкурентами нет существенных идеологических различий.

Взаимоотношения Москвы и Вашингтона по поводу Сирии, с одной стороны, вносят изменения в баланс сил и на местном уровне и в региональном масштабе, а с другой стороны имеют большое значение для попыток урегулирования ситуации в этой стране.

Для всех трех уровней нынешнего сирийского противостояния очевидно то, что ситуация постепенно заходит в тупик, никто не может одержать победу, но внешние стороны еще могут усилить своих сторонников в Сирии, чтобы предпринять дополнительную попытку. В этой ситуации роль великих держав, в первую очередь России и США, имеет особенно важное значение. Их противоречия на глобальном уровне оказывают серьезное влияние на уровне региона.

И, естественно, это не помогает решению общей проблемы, связанной с активизацией радикальных исламистских групп. В этом смысле Сирия становится новым Афганистаном как периода движения «Талибан», так и времен советского присутствия в этой стране. На фоне острых внутренних противоречий сюда со всех сторон стекаются идеологически мотивированные исламисты-энтузиасты со всего мира, включая Европу.

Согласно данным отчета Soufan Group, число иностранных бойцов в Сирии выросло за 2015-й год вдвое. Сейчас

там воюют свыше 12 тыс. иностранных граждан. Одними из крупнейших поставщиков стали Россия и страны постсоветского пространства. Поток боевиков в Сирию из этих регионов увеличился вчетверо⁴. По словам министра обороны РФ Сергея Шойгу, их общее количество на начало 2015 года составляло 4,5 тыс. человек⁵. Помимо событий в самой Сирии и Ираке, вооруженные нападения и теракты участились и в других странах Евразийского континента.

В то же время конфликт в Сирии провоцирует потоки беженцев, которые уже поставили Европу в крайне тяжелое положение, сформулировав новые вызовы и в области политики.

ВОЛНА ТЕРРОРА

13 ноября 2015 года в Париже произошла серия терактов. Она оказалась самой кровавой в послевоенной истории Франции и второй по количеству жертв в ЕС после взрывов поездов в Мадриде боевиками «Аль-Каиды» в 2004 году⁶. От рук террористов, устроивших взрывы на Stade de France в столичном пригороде Сан-Дени, захвативших заложников в театре Bataclan и атаковавших несколько кафе в центре Парижа, погибли 130 человек. Были ранены 368 человек. Расследование выявило факты, шокировавшие и политиков, и общественность многих европейских стран. Выяснилось, что все организаторы и исполнители теракта были гражданами стран Евросоюза. Большинство из них родилось и выросло в Европе. Атаки были спланированы и осуществлены с использованием нескольких укрытий, находившихся на территории Франции и Бельгии. При этом все террористы проходили боевую подготовку на территории Сирии, в Европу вернулись без каких-либо проблем и присоединились к группам спасавшихся от войны мигрантов.

⁴. Foreign Fighters: An Updated Assessment of Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq, The Soufan Group, December 2015 http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate1.pdf

⁵. «Шойгу: операция в Сирии предотвратила попадание боевиков в СНГ», Российская газета, 15 июля 2016 <https://rg.ru/2016/07/15/shojgu-operaciia-v-sirii-predotvratila-popadanie-boevikov-v-sng.html>

⁶. Emma Luxton. Is terrorism in Europe at historical high? World Economic Forum, March 24, 2016 <https://www.weforum.org/agenda/2016/03/terrorism-in-europe-at-historical-high/>

Теракты поставили на повестку дня массу вопросов, включая компетентность спецслужб стран ЕС, эффективность пограничного контроля, а также сам смысл существования безвизовой Шенгенской зоны в нынешних условиях.

Эти дискуссии лишь обострились после следующих крупных атак, которые произошли в различных странах ЕС уже в 2016 году. Взрыв в аэропорту Брюсселя 22 марта унес жизни 14 человек (ранены 92). Синхронные взрывы там же на железнодорожном вокзале – 21 погибший, 130 раненых. Теракт 14 июля в Ницце, когда террорист на грузовике атаковал оживленную набережную в День взятия Бастилии, уничтожил 86 человек. Еще 202 получили ранения. Атака террориста-одиночки в Мюнхене привела к гибели девяти человек. Взрыв на музыкальном фестивале в германском Ансбахе 24 июля привел к ранениям еще 15 человек. Всего же число терактов в ЕС, где был доказан исламистский след, перевалило в уходящем году за два десятка.

Наиболее кровавые теракты происходили во Франции, Бельгии и Германии – странах со значительными диаспорами иммигрантов в первом или втором поколении. Примечательно, что представители этих диаспор идентифицируют себя не только со страной пребывания или гражданства, но и со страной исхода. Особую проблему представляет даже не столько доля иммигрантов в населении, сколько компактное проживание их в неблагополучных районах и пригородах европейских мегаполисов. К тому же точное количество мигрантов в отдельных странах определить не всегда возможно. Например, считается, что во Франции они не превышают 15% от общего количества населения, однако конкретных цифр нет из-за запрета проводить точные социологические исследования относительно расового и этнического самоопределения французских граждан⁷.

Парижский район Сен-Дени и брюссельские Моленбек и Шаербек называют рассадниками террористов⁸, и, соответственно, символами провала мультикультурализма

⁷. To count or not to count, The Economist, March 26, 2009 <http://www.economist.com/node/13377324>

⁸. Aaron Williams, Kaeti Hinck, Laris Karklis, Kevin Schaul, Stephanie Stamm. How two Brussels neighborhoods became 'a breeding ground' for terror, Washington Post, April 1, 2016 <https://www.washingtonpost.com/graphics/world/brussels-molenbeek-demographics/>

и иммиграционной политики. Дополнительным фактором, обострившим и саму проблему, и дискуссию о ней, стала миграция с Ближнего Востока, возросшая из-за конфликтов в Ливии и Сирии⁹.

Итогом террористической волны и иммиграционного кризиса, захлестнувших Европу в 2016 году, стал рост национализма и рост популярности радикальных настроений. Террористический и миграционный вызовы стали ударом по европейскому интеграционному проекту. Ярче всего это проявилось в ходе британского референдума о выходе из Европейского Союза.

Но по большому счету проблема связана с тем, что новые тенденции в европейской политике говорят об определенном кризисе старых партий и, соответственно, всей политической системы. С одной стороны, это усиливает изоляционистские настроения в европейском обществе и является проблемой для будущего глобализации. С другой стороны, растет напряженность в отношениях как с миром ислама в целом, так и с европейской мусульманской общиной в частности.

Последнее обстоятельство может привести к снижению и без того низкой степени интеграции мусульман в европейское общество и к росту их идентичности. В условиях конфронтации и в случае консолидации и активизации мусульманских избирателей это может стать и политическим фактором. Здесь стоит отметить, что на примере Европы отчетливо видна разница принципов организации западных и восточных обществ.

Для западных обществ в целом характерны горизонтальные отношения взаимодействия. При этом связи в рамках общин не отменяют и не мешают индивидуализму отдельных его членов. Для восточных обществ более характерны вертикальные отношения внутри общин и так называемых «больших семей». Уровень консолидации в рамках таких общин значительно выше, а степень индивидуализма существенно ниже.

Внутри европейского общества такие общины находятся под постоянным давлением со стороны внешней среды. От них отделяются отдельные личности, которые могут

⁹. Migration crisis: Migration to Europe explained in seven charts, BBE, March 4, 2016, <http://www.bbc.com/news/world-europe-34131911>

стать частью европейского сообщества. Но, тем не менее, внутриобщинная организация и солидарность остаются преобладающим фактором. Приток мигрантов в Европу усиливает количество представителей таких восточных общин, а нарастающий конфликт внутри европейских обществ и рост правого радикализма, скорее всего, могут вызвать их консолидацию в качестве ответной реакции.

Пока негативные тенденции удается сдерживать, но каждый новый инцидент будет только усиливать напряженность и подчеркивать доминирующую тенденцию. Собственно, локальный европейский пример демонстрирует нам модель взаимодействия западной и восточной общин как часть общего процесса их взаимодействия на глобальном уровне. Глобализация ставит вопрос об общих правилах игры, об унификации, но особенности организации разных обществ остаются главным препятствием для простого распространения западной модели. Такую возможность на Западе рассматривали в начале 1990-х годов. Но оказалось, что не только Запад пришел на Восток, но и Восток пришел на Запад. И Запад по большому счету не имеет ответа на этот вызов. При этом понятно, что у Востока такого ответа тоже нет.

БРИТАНИЯ: EXIT

Мало кто предполагал, что референдум 23 июня 2016 года по выходу Великобритании из ЕС обернется настоящим политическим землетрясением в Европе. Лидер британских консерваторов премьер Дэвид Кэмерон еще в 2013 году обещал провести опрос по поводу членства Соединенного Королевства в Евросоюзе. Сам глава правительства вел кампанию за то, чтобы страна осталась в рядах ЕС. Но более успешной оказалась кампания Leave, лидерами которой стали глава Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP) Найджел Фарадж и экс-мэр Лондона Борис Джонсон. Сенсационный итог голосования, в ходе которого почти 51,9% высказались за выход, привел к отставке Кэмерона с поста премьера. Новым главой кабинета стала Тереза Мэй. Многие политики, включая Фараджа, ушли со своих партийных постов.

Выход Великобритании из ЕС обещает быть долгим и сложным процессом. Согласование условий займет не менее двух лет, а ключевым вопросом станет воз-

можность страны сохранить доступ к единому рынку ЕС. В обмен Брюссель требует участия Великобритании в единой миграционной политике союза, против которой как раз и выступали активисты кампании Leave. Многие экономисты предупреждают и о серьезных отложенных экономических последствиях референдума для британской экономики¹⁰.

Главное значение Brexit заключается в символическом эффекте для всего евразийского континента. Долгое время евроинтеграция выглядела модельным и самым успешным интеграционным проектом в человеческой истории. Считалось, что созданы условия для безопасности и процветания всех жителей Европы. С момента своего создания ЕС только расширялся и был привлекательным как для своих жителей, так и для соседних стран. Во многом именно расширение европейского проекта стало причиной столкновения России с Западом на Украине. Более того, ЕС служил примером и для других интеграционных объединений Евразии, включая ЕАЭС и даже АСЕАН.

После Brexit привлекательность европейской модели оказалась под сомнением. Более того, под сомнением оказалась и демократическая модель принятия решений. Большинство в Британии проголосовало за шаг, против которого решительно выступали все элиты и эксперты, которые руководствовались краткосрочными и популистскими мотивами. Поляризация обществ поставила под вопрос устойчивость и целесообразность существования либеральной демократии в ее современном виде.

Выход Великобритании из Евросоюза стоит рассматривать не только в контексте проблем этого интеграционного объединения. Понятно, что поставлен вопрос о целесообразности углубленной интеграции в принципе.

Если уж Евросоюз, который до начала своей работы десятилетиями отлаживал механизм взаимодействия между странами-участниками, столкнулся с противоречием между

¹⁰. Fact and fiction, The Economist, September 3, 2016 <http://www.economist.com/news/britain/21706348-dire-prophecies-doom-have-not-come-trueyet-economy-slowing-fact-and-fiction>

интересами отдельных государств, то что тогда говорить о других объединениях. Таких, например, как Евразийский экономический союз, североамериканское НАФТА и некоторые другие. Кстати, кандидат в президенты США Дональд Трамп в ходе избирательной кампании утверждал, что НАФТА не отвечает интересам американцев и пользовался при этом весьма значительной поддержкой в обществе.

И Brexit, и высказывания Трампа – это отражение кризиса глобальной экономики. Это серьезный сигнал о том, что глобализация выдыхается, то есть она еще имеет значение, но приносимые ею дивиденды уже не так очевидны.

Особенно это актуально для отдельных стран. И, что примечательно, — для успешных государств. Великобритания – одна из весьма успешных стран в составе ЕС. США – несомненный экономический и геополитический лидер в мире. Кроме того, американское государство не только обеспечивает глобальной экономике валюту для торговли и резервов, но и поддерживает спрос, соглашаясь с многолетним дефицитом торгового баланса с развивающимися экономиками.

Фактически мы наблюдаем наметившуюся тенденцию: развитые страны, которые являются главными бенефициарами глобализации, готовятся к выходу из проекта. Пока это только тенденция. Но это повод для всех остальных задуматься, насколько долго будет жить проект глобализации и интеграции.

Очевидно, что это будет зависеть от выгод, которые с ними связаны. Но именно по поводу выгод накопилось немало больших вопросов. Если даже в США и Великобритания начинают сомневаться в преимуществах интеграции, опасаясь потери рабочих мест, налогов и внутренних производств, то что говорить о других странах? Например, о странах Южной Европы или о бывших социалистических государствах и в восточной Европе, и в бывшем СССР.

Но пока официально США ориентированы на большую интеграцию. Именно поэтому возникли проекты Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП).

ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ ПО ТТП

Днем рождения Транстихоокеанского Партнерства (ТТП) можно считать и 5 октября 2015 года, когда было объявлено о достижении финальной договоренности по формированию ТТП, и 5 ноября, когда был опубликован текст договора. Финальная же версия¹¹ соглашения была подписана 4 февраля 2016 года. Именно этот день можно считать датой формирования мегаблока, на территории которого проживает 800 млн. человек. Страны ТТП составляют 36% мирового ВВП, 23,9% мирового экспорта и 26,7% мирового импорта товаров и услуг.

Для того чтобы соглашение о ТТП вступило в силу, его должны в ближайшие два года ратифицировать либо все 12 подписавших стран (США, Япония, Канада, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Чили, Перу, Малайзия и Вьетнам), либо страны, на которые приходится свыше 85% совокупного ВВП этого объединения. Сейчас главной трудностью для запуска ТТП стал вопрос о ратификации в США. Дело в том, что многие члены Конгресса не готовы голосовать за ТТП из-за угрозы сокращения рабочих мест в их избирательных округах. Президент Барак Обама призывает ратифицировать ТТП как можно скорее, на последней сессии действующего состава Конгресса. Оба главных кандидата на президентских выборах, Хилари Клинтон и Дональд Трамп, высказывались отрицательно. Впрочем, в ходе прошлых заседаний Астанинского клуба американские участники указывали, что позиция Клинтон может поменяться сразу после ее избрания. Позиция Трампа также может измениться.

Несмотря на то, что ТТП охватывает многие страны, формально не относящиеся к Евразии, влияние этого соглашения на евразийское пространство в любом случае будет огромным. Как отмечали некоторые участники Астанинского клуба, даже если соглашение не удастся ратифицировать в отведенный для этого срок, глубина и революционность текста наверняка будут влиять на последующие попытки создать похожий торговый блок в более благоприятных политических условиях.

Дело в том, что ТТП представляет собой продвинутую вер-

¹¹. Текст соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства можно найти на сайте Верховного торгового представителя США: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text>

сию соглашения о свободной торговле, которое подразумевает не только снижение тарифов, но и введение новых стандартов при осуществлении инвестиций. Кроме того, расширенные правила регулирования прав на интеллектуальную собственность, стандарты работы госкомпаний и обширный комплекс мер для борьбы с коррупцией. ТТП базируется на правилах ВТО, но нормы его организации очень детализированы и глубоки.¹²

Именно поэтому можно ожидать, что зафиксированные в ТТП нормы могут пережить само соглашение и существенно повлияют на глобальные правила торговли. Сам факт образования ТТП уже влияет на действия крупных евразийских держав, которые не входят в будущее объединение. Первой контригрой начала Россия, объявив о создании экономического партнерства Большой Евразии.

Первым практическим шагом стало начало переговоров между Китаем и ЕАЭС о заключении торгового соглашения, о котором было объявлено в Пекине 25 июня 2016 года. Если этот документ удастся согласовать, он окажет значительное влияние на конфигурацию региональной торговли в центре Евразии и на экономику центральноазиатских государств.

Но наметилась любопытная тенденция. Она связана с тем, что внутри глобальной экономики выделяются отдельные группы стран. К тому же их конфигурация не может не накладываться на существующие геополитические противоречия. Фактически идет перегруппировка стран и экономики. И это очень похоже на подготовку к новой геоэкономической реальности. Те страны, которые подписывают соглашения ТТП и ТТИП, будут претендовать в том числе и на особые условия торговли с США, на их рынок, на формируемый ими спрос.

Фактический отказ второго мощнейшего экономического блока европейских стран от ТТИП означает, что они стремятся сохранить свою идентичность, экономический суверенитет и чувствуют, что имеют для этого основания. Соответственно, выход Великобритании из Евросоюза открывает перед ней дорогу к ТТИП. Это вполне соответ-

ствует как логике большей либеральности экономических подходов, так и англосаксонскому единству. Но это же обстоятельство ставит Европу с ее большей степенью зарегулированности экономики, внутренними противоречиями по основным геоэкономическим подходам и соседством с исламским миром перед необходимостью искать способы реагирования на новую ситуацию.

ТУРЕЦКИЙ МАРШ

События в Турции летом 2016 года могут привести к масштабным изменениям не только в этой стране, но к изменениям отношений между миром коллективного Запада и мусульманскими странами.

Попытка переворота в Турции, которая привела к значительным чисткам в армии, государственном аппарате и системе образования, объективно ведет к изменению модели государственного устройства. А это обстоятельство имеет большее значение, чем внутривнутриполитический конфликт между сторонниками разных исламистских проектов и даже между приверженцами светского и исламского пути развития Турции.

Турция в последние десятилетия играла важную роль в мусульманском мире. Она демонстрировала успех своей модели политического устройства, в которой исламская политическая партия, опираясь на поддержку самых разных слоев населения, весьма эффективно управляет экономикой и обществом. Это был своего рода пример, и именно на этом основывались претензии Турции на влияние в исламском мире. Долгие годы это было самое успешное в экономическом плане государство, где обеспечивался баланс интересов разных групп населения – от сторонников светского пути развития до курдов, которые именно при исламистах получили место в парламенте. И все это при бесспорном лидерстве сторонников политического ислама.

Между прочим, опыт Турции рассматривался как своего рода образец в ходе событий арабской весны. В то время были популярны идеи, что более демократические модели, вроде турецкой, могут быть лучшей альтернативой централизованным политическим режимам. Период араб-

ской весны стал «звездным часом» и для Турции, и лично для премьер-министра Тайипа Эрдогана.

Важно отметить, что в основе турецкой политической модели времен Эрдогана, и это же отличало Турцию от других мусульманских государств, находилось равновесие внутривнутриполитических сил. Партия Эрдогана обладала политической властью, но противовесом ей выступали армия, суды, средства информации. Кроме того, внутри партии было довольно много групп влияния, как объединявшихся вокруг влиятельных лидеров, вроде бывшего президента Абдуллы Гюля, так и связанных с регионами.

Это была горизонтальная система отношений, где никто не мог одержать решительную победу над оппонентами. Именно такие веками формировавшиеся отношения лежат в основе западной демократической системы. Характерной особенностью Турции были именно развитые по меркам восточного общества институты, такие как суды и армия, которые играют ключевую роль в любой демократической системе.

В Турции роль армии была несколько гипертрофирована. Объяснялось это тем, что армия многие годы играла роль гаранта светского устройства государства. Тем не менее, она являлась одним из институтов, регулирующих отношения внутри общества. Можно предположить, что армия за время правления партии Эрдогана могла вмешиваться в ход событий, как она это делала не раз в истории турецкого государства. Но здесь свою роль могли сыграть страны Запада через структуры НАТО или напрямую через США. Слишком важна была Турция в качестве альтернативной модели горизонтальной системы политического устройства для мусульманского мира.

Если согласиться с таким предположением, тогда последняя попытка переворота в Турции де-факто означает завершение этого проекта. Реагируя на произошедшие события, Эрдоган оказал массированное давление на основные институты – армию, СМИ, суды, систему образования. Это означает, что горизонтальная система политических отношений в Турции отчасти заменяется на вертикальную, более типичную для восточных стран.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ГОНКА В США

События в США, отделенных от Евразии водными пустынями Тихого и Атлантического океана, на первый взгляд, не имеют отношения к изменениям в Евразии. Но учитывая колоссальную роль, которую единственная реальная сверхдержава играет в современной мировой системе, любые крупные трансформации в этой стране влияют и на Евразию.

В этом смысле президентская кампания 2016-го года не является исключением. Хотя сами выборы президента в США пройдут 8 ноября 2016 года – за несколько дней до второго заседания Астанинского клуба и уже после написания данного доклада – кампания сама по себе стала одним из важнейших событий уходящего года. Темы, поднятые в ходе выдвижения кандидатов от Республиканской и Демократической партий, а также те явления, которые обнажились во время кампаний по номинации Хилари Клинтон и Дональда Трампа, говорят многое о стоящих перед США вызовах и будущих трендах в американском обществе.

Прежде всего, как и Brexit, итоги выдвижения кандидатов в США поставили под сомнение эффективность современной либеральной демократии как механизма решения проблем и формирования команды компетентных лидеров, пользующихся доверием общества. Во-первых, в результате открытого и соревновательного процесса, которым, несомненно, были праймериз и кокусы, обе ведущие американские партии выдвинули кандидатов в президенты, которые не вызывают симпатию в обществе. У Клинтон и Трампа высокие антирейтинги и вряд ли они способны объединить нацию.

Во-вторых, в ходе кампании многие наблюдатели заговорили о росте популистских тенденций в американской политике. Об этом свидетельствует как риторика Дональда Трампа с его обещанием построить стену на границе с Мексикой за счет самих мексиканцев, так и неожиданный успех на праймериз сенатора от Вермонта Берни Сандерса. Взгляды Сандерса близки к социалистическим, и во многом идут вразрез с традиционными американскими ценностями – ставкой на жесткий индивидуализм, конкуренцию и рыночные механизмы.

¹². Сергей Афонцев, Фрэнк Самолис, Наталья Стапран. Будущие контуры мировой торговли: Транстихоокеанское партнерство, Asia Vector, 13 ноября 2015 <http://asiavector.ru/analytics/451/>

По мнению многих наблюдателей, запрос на левые и социалистические ценности в американском обществе растёт. Причем не только среди малообеспеченных слоев, но и среди молодой образованной элиты. Ведь группы поддержки Сандерса на кампусах ведущих вузов были одной из серьезных движущих сил его кампании.

В-третьих, рост популизма обнажил реальные проблемы американского общества – растущее неравенство, увеличение преступности, невозможность для нынешних молодых представителей среднего класса повторить успех поколения своих родителей, оторванность вашингтонской и нью-йоркской элиты от широких масс избирателей.

Наконец, в кампании Трампа ярко проявился и новый тренд в американском обществе – запрос на менее амбициозную внешнюю политику. Люди устали строить демократию во всем мире за счет внутреннего роста в США. Кроме того, в обществе проявилось недоверие к целесообразности союзнических отношений как в Европе, так и в Азии.

Хотя усталость от войн в Афганистане и Ираке была одной из причин успешности кампании Барака Обамы, он не ставил под сомнение целесообразность НАТО или возглавляемых США военных союзов в Азии. Поэтому новая радикальная линия в кампании Трампа не пользуется поддержкой внешнеполитического истеблишмента – ни среди демократов, ни среди многих республиканцев¹³. Однако Трамп упорно сохранял эту линию в своей кампании, ориентируясь на популярность у рядовых избирателей.

Как показал ушедший год, вне зависимости от имени нового президента США миру придется иметь дело с новой Америкой. Эта Америка будет более поляризованной, погрязшей во внутренних дискуссиях, менее уверенной в себе и все больше ограниченной в ресурсах для проведения активной внешней политики.

Но тем не менее США остаются важным элементом конструкции. Они своего рода замковый камень в фундаменте

здания нынешнего глобального мира. К этому можно относиться по-разному. Кто-то считает это имперскими амбициями, отражением чего является стремление Вашингтона вмешиваться в дела других государств по всему миру. Еще более крайняя позиция гласит, что США «паразитируют» на остальных странах, используя контроль над долларом для финансирования своих расходов, в том числе военных.

Есть и такая точка зрения: активность США на внешней арене – это ненужная им ответственность, чрезмерная для одной отдельно взятой страны. Поэтому США вынуждены соглашаться с торговым дефицитом в отношениях со многими странами. Они накапливают такой огромный долг, чтобы иметь возможность не только содержать армию, но и оплачивать, между прочим, содержание афганского государственного аппарата и сил безопасности. Да и преимущества от наличия доллара как главной мировой валюты для США далеко не очевидны. Сильный доллар снижает конкурентоспособность американской экономики в глобальном масштабе. К тому же при любом кризисе большинство стран ведут борьбу за ослабление своей валюты по отношению к американскому доллару.

Именно с этим связано недовольство многих американцев, их желание отказаться от обременительной, по их мнению, роли лидера современного мира. Характерно, что история с кампанией Трампа происходит накануне столетия вступления США в первую мировую войну. Именно тогда, при президентстве Вудро Вильсона, США вышли из добровольной самоизоляции и ступили на путь, который привел их к нынешней ситуации.

Если представить, что политика изоляционизма в США станет реальностью, и американцы свернут или даже просто снизят свое участие в мировых процессах, это изменит весь мир.

Например, в этом случае США будут стремиться снизить дефицит торгового баланса со многими странами. Это приведет к сокращению глобального спроса, потому что неизбежны встречные шаги. Следовательно, сократятся объемы торговли США, к примеру, с Китаем или Мексикой. Это приведет к ухудшению экономической ситуации для этих стран.

С политической точки зрения уход США из многих чувствительных зон оставит там вакуум. Они перестанут быть

фактором в региональной политике на Ближнем Востоке, в Афганистане, в Южно-Китайском море. Для кого-то это будет весьма желательным шагом, но для всех это означает, что региональные противоречия станут доминировать и могут перейти к жестким формам. Например, если США перестанут заниматься Афганистаном, то весьма вероятно обострение борьбы между афганскими общинами при поддержке их внешних патронов.

К открытию Астанинского клуба уже будет известно, кто станет президентом США, но проблемы и вызовы никуда не денутся. Они продолжают оставаться важным фактором, влияющим не только на Америку, но и на все страны в мире.

***

Наш выбор самых важных событий и трендов уходящего года, безусловно, не является исчерпывающим или единственно возможным. Тем не менее, представляется, что отмеченные экспертами Астанинского клуба и ИМЭП тенденции во многом задают векторы развития Евразии на среднесрочную перспективу. Изменения ситуации затронули многие сферы жизни мегаконтинента, важные как для всего региона, так и для его нервного центра – Центральной Азии. Ситуация в мире становится все более неопределенной и нестабильной.

Можно отметить ключевые параметры, влияющие на геополитическое, геоэкономическое и социальное развитие Евразии. Сюда стоит отнести и динамику соперничества великих держав, и функционирование торговых режимов, и изменение модели экономического развития, и состояние транспортной и финансовой инфраструктуры, и динамику передвижения населения. Говорят ли новые тенденции о том, что Центральная Евразия может стать полем для раздоров и генератором конфликтов, увеличивающим уже существующие разрывы? Или же регион может стать объединяющим всех мостом?

¹³ David E. Sagner, Maggie Haberman, 50 G.O.P. Officials Warn Donald Trump Would Put Nation's Security 'at Risk', The New York Times, August 8, 2016 <http://www.nytimes.com/2016/08/09/us/politics/national-security-gop-donald-trump.html>

3. ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ В ЕВРАЗИИ: СОПЕРНИКИ ИЛИ ПАРТНЕРЫ?

ЕВРАЗИЯ И ЭРА ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Большинство западных участников Астанинского клуба, отражающих позицию Европы, США и их азиатских союзников, полагают, что Евразия – это чисто географическое понятие. При этом роль и значение Евразийского материка как арены геополитического соперничества и сотрудничества никто не отрицает. И хотя некоторые эксперты Клуба полагают, что даже географическое описание Евразии как единого региона, а не исключительно постсоветского пространства, не является операционализируемым («На Западе никто не воспринимает Евразию как единый регион, который бы включал в себя Западную Европу и всю Восточную Азию»), большинство все же сходятся на том, что регион является геополитическим и геоэкономическим центром мира.

«Ни в политической, ни в экономической, ни в военной областях нет ничего, что могло бы свидетельствовать о возможности бросить вызов доминирующему положению Евразии в мире любым другим континентом. Евразия – центр мира», - указывает один из американских участников Клуба.

Российские и китайские эксперты подозревают, что столь скептическое отношение Запада к понятию Евразии – результат того, что США не являются частью этого региона, а потому стараются принизить его значение. Хотя сами американцы с этим горячо спорят: «Соединенные Штаты, которые являются единственной по-настоящему глобальной державой, хотя географически не относятся к Евразии, имеют богатое наследие евразийской истории и культуры»

Примечательно, что и между российскими и китайскими экспертами есть противоречия в том, насколько понятия «Евразия» и «Центральная Евразия» наполнены смыслом, отличающимся от описания географических реалий. «Надо наконец выяснить, что это за зверь – Центральная Евразия, есть ли она на самом деле», — говорил на первом заседании Астанинского клуба один из китайских участников. Не исключено, что то значение, которое российские эксперты придают понятию «Евразия», является отражением их желания максимально расширить рамки сравнения великих держав и ввести в них пространственный элемент. В таком географическом контексте Россия смотрится гораздо вы-

годнее, чем при линейном сравнении ее экономики или динамики общества с Европой и Китаем, или ее военной мощи – с военной мощью США.

Эксперты Астанинского клуба согласны с тем, что Центральная Азия будет играть особую роль как географический центр всего мегаконтинента. Более того, Центральная Азия играет роль стратегического тыла сразу для пяти крупных центров силы.

«Ни одна из глобальных проблем не может быть решена без Евразии. Регион должен стать частью каждого решения, превращаясь при этом в часть каждой проблемы», — заключает один из участников. При этом некоторые эксперты Астанинского клуба полагают, что центральное положение Евразии — это не только благо. «Доминирующее положение Евразии в мире — это не обязательно хорошая новость, — говорит один из экспертов. — Поскольку континент в обозримом будущем будет сохранять свое значение как арена соперничества между великими державами».

ТРЕУГОЛЬНИК США-КИТАЙ-РОССИЯ

Когда речь идет о великих державах, большинство экспертов клуба согласны, что в целом динамика ситуации с безопасностью в Евразии, включая Центральную Азию, определяется сложными отношениями в треугольнике Соединенные Штаты – Китай – Россия. В какой-то мере возрождается классический треугольник времен «холодной войны». Справедливым остается и определение выигрышной стратегии для каждого игрока, сформулированное в свое время Генри Киссинджером. У США, полагал экс-госсекретарь, отношения с Пекином и Москвой должны быть лучше, чем у Пекина и Москвы друг с другом¹⁴. Впрочем, ситуация заметно отличается от времен 1970-х и 1980-х, когда действовал Генри Киссинджер. Сегодня США по-прежнему являются мировым гегемоном. Они обладают самой инновационной экономикой, самым мощным военным потенциалом и практически полной монополией

¹⁴. Henry Kissinger. Years of Upheaval. New York: Little Brown & Co, 1982.

на формирование глобальной повестки дня. Но положение гегемона в среднесрочной перспективе Америке уже не гарантировано.

Мощь Китая невероятно возросла по сравнению с периодом начала рыночных реформ в 1980-е. КНР превратилась во вторую экономику мира по размеру номинального ВВП, а в пересчете по паритету покупательной способности (ППП) некоторые уже оценивают Китай как первую державу мира¹⁵. Возможности же России существенно сократились вслед за экономическим потенциалом. Если по ППП она по-прежнему входит в десятку крупнейших экономик мира, занимая шестую строчку¹⁶, то по номинальному ВВП в результате девальвации 2014 года страна откатилась во второй десяток, оказавшись на 13-м месте¹⁷.

Все более сложными становятся и отношения между парами в треугольнике. От жесткой оппозиции времен биполярного мира великие державы перешли к более гибким моделям соперничества и сотрудничества. Поэтому имеет смысл рассмотреть эти отношения в парах.

США-КИТАЙ

Отношения двух крупнейших экономических и военных держав – США и КНР – справедливо называют самыми важными двусторонними отношениями XXI века. В 2015-м году они переживали динамичную трансформацию. Вместе с элементами сотрудничества и взаимозависимости нарастают элементы соперничества. Прежде всего на востоке Евразии – в акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. После июльского решения Третейского суда в Гааге, который признал ничтожными многие претензии Пекина в акватории Южно-Китайского моря вокруг архипелага Спратли, конфликт вступил в период эскалации. Несмотря на примирительные заявления китайских дипломатов, руководство КНР не намерено признавать результаты трибунала, к чему, в свою очередь, их призывают США. Это создает почву для конфликта между

¹⁵. GDP ranking, PPP based. The World Bank, July 22, 2016. <http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-PPP-based-table>

¹⁶. Там же.

¹⁷. GDP ranking. The World Bank, July 22, 2016. <http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table>

Китаем с одной стороны и Америкой с ее региональными союзниками с другой. Еще одним аспектом противоречий становится конфигурация региональной торговли, а также проблема доступа на рынки друг друга и стандартов работы. Наконец, полем столкновений двух сверхдержав становится и киберпространство.

Эта амбивалентность отношений двух гигантов ярко проявилась и в ходе первого заседания Астанинского клуба в ноябре 2015 года. С одной стороны, и американские, и китайские эксперты подчеркивают необходимость сотрудничества двух держав для решения глобальных проблем. В качестве примеров приводятся климатическая сделка, достигнутая на конференции в Париже и ратифицированная во время сентябрьского саммита «большой двадцатки» в Ханчжоу¹⁸, и общий консенсус по многим вопросам глобального управления, один из которых – включение юаня в корзину специальных прав заимствований МВФ с 2016 года. С другой стороны, многие конкретные вопросы становились объектом разных интерпретаций. И хотя дискуссия в рамках Астанинского клуба отличалась нацеленностью на поиск конструктива, разногласия между державами занимают все большее место в двусторонней повестке. Своя роль в этом противостоянии есть и у Евразии.

«Евразия становится узловым центром мировой политики из-за медленно развивающегося соперничества между Китаем и Соединенными Штатами», — указывает один из экспертов Астанинского клуба.

В 2015-м году острота конфликта между США и КНР немного снизилась. В КНР идет подготовка к важному XVII съезду правящей Коммунистической партии Китая (КПК), который состоится в конце 2017 года. На нем ожидается обновление руководства страны и укрепление позиций действующего лидера, генсека КПК Си Цзиньпина. Накануне съезда лидер должен проявлять себя жестким руководителем, способным отстаивать национальные интересы перед лицом Запада. С другой стороны, чрезмерное обострение конфликта может привести к нежелательным последствиям. Поэтому весь 2015-й год Пекин старался

¹⁸. Mark Landler, Jane Perlez. Rare Harmony as China and U.S. Commit to Climate Deal. The New York Times, September 3, 2016. <http://www.nytimes.com/2016/09/04/world/asia/obama-xi-jinping-china-climate-accord.html>

держат отношения с США в режиме «управляемой конфронтации». Провозглашенная в 2013 году Си Цзиньпином «новая модель отношений великих держав», подразумевающая взаимный учет «коренных национальных интересов», так и не был реализован. Хотя в число этих интересов Пекин включал и вопросы территориальной целостности страны, и претензии в Южно-Китайском море, и уважение к политической системе КНР, что явно неприемлемо для США. Просто руководство КНР старалось не обострять противоречия без нужды.

Похожий подход применяла и администрация США. Завершая свой восьмилетний президентский срок, лауреат Нобелевской премии мира Барак Обама был меньше всего заинтересован в полномасштабной конфронтации с Китаем. Провозгласив в 2011 году политику «поворота к Азии» (Pivot to Asia), Барак Обама все время старался минимизировать точки для потенциального конфликта с Китаем и объяснял, что сам «поворот» не направлен против КНР¹⁹. Однако 2015-й и 2016-й годы принесли Китаю много поводов для раздражения. Как признают некоторые эксперты Астанинского клуба, одной из главных, хотя и не слишком афишируемых историй, стал взлом серверов базы данных Службы управления кадрами США весной 2015 года. В результате этого взлома были похищены личные данные 21,5 млн. человек²⁰. Попавшие в руки хакеров материалы представляют бесценные данные для любой спецслужбы мира, поскольку содержат личные анкеты всех, кто пытался получить разрешение на доступ к секретным сведениям в США. Американские эксперты уверены, что за взломом стояли китайские спецслужбы. Пекин это отрицал и возлагал ответственность на киберпреступников. После этого инцидента Вашингтон принял решение начать операции по обеспечению свободы мореплавания (ООСМ) в Южно-Китайском море²¹. ООСМ стали еще одним масштабным раздражителем в отношениях США и Китая, поскольку в рамках патрулирования американские корабли демонстративно подходили к китайскими искусственным островам

и порой нарушали 12-мильную линию вокруг них.

Очевидно, что противоречия между США и КНР, связанные с Южно-Китайским морем, строительством Народно-Освободительной Армии Китая и территориальными спорами с Японией вокруг островов в Восточно-Китайском море, будут нарастать. Другими объектами разногласий становятся экономика, включая конкуренцию ТТП и ВРЭП, а также вопросы интеллектуальной собственности и свободы доступа на рынки друг друга.

Все эти противоречия проявляются не только на морских просторах Западного побережья Тихого океана или в киберпространстве, но и на физических просторах Евразии. Здесь также нет недостатков в разночтениях относительно намерений друг друга. Например, укрепление партнерства США со странами Юго-Восточной Азии американские эксперты называют обычной практикой нормализации отношений. Так они, в частности, комментируют отношения Америки и Вьетнама. Но после майского турне президента Обамы, когда с Вьетнама было снято оружейное эмбарго²², многие китайские эксперты убеждены, что действия США вызваны желанием создать «санитарный кордон» вокруг КНР и ограничить естественное возвышение Китая, перессорив его с соседями. Именно в этом ключе интерпретируется и июньское выступление шефа Пентагона Эштона Картера во время диалога «Шангри-Ла» в Сингапуре. При этом, как указывают некоторые члены Астанинского клуба, противостояние куда шире и глубже, чем просто геополитическое соперничество стареющего мирового гегемона и нарождающегося претендента.

«Самое важное противостояние в Евразии имеет не геополитическую природу. Это не конкуренция за ресурсы, территории или какие-то физические активы. Это противостояние идеологическое – битва между двумя фундаментально различными идеологиями, либеральным миропорядком и его оппонентами», — считают эксперты Астанинского клуба.

Вместе с тем Пекин и Вашингтон пытаются найти точки соприкосновения. Одной из тем, где обе сверхдержавы могут сотрудничать, становится ситуация в Афганистане

и Центральной Азии. Например, между МИД КНР и Госдепом США существует специальный диалоговый формат для обсуждения проблем региона²³. Китай заинтересован в сохранении стабильности в регионе, где планирует реализовать ряд масштабных экономических проектов. По этой причине КНР опасается обострения геополитической конкуренции, особенно с участием внешних для региона сил. В свою очередь, транспортно-логистические инициативы Китая, как и американская концепция «Нового Шелкового пути», предполагает открытие центральной Евразии для внешнего мира. В данном случае Китай может найти понимание со стороны Вашингтона. Одним из самых характерных примеров стало заявление китайского участника на заседании Астанинского клуба о том, что Пекин не будет выступать против строительства газопровода ТАПИ и даже будет поддерживать его.

США-РОССИЯ

Соперничество США и России остается самым острым в тройке великих держав, хотя ставки на кону гораздо ниже, чем в американо-китайском противостоянии. Еще в 2011 году президент РФ Владимир Путин говорил, что его страна не претендует на статус глобальной сверхдержавы, и что Россия не будет участвовать в противостоянии Китая и США на чьей-либо стороне. Однако с 2014 года из-за конфликта на Украине отношения между двумя бывшими соперниками эпохи «холодной войны» резко обострились, и с тех пор находятся в низшей точке с 1991 года. При этом стороны расходятся в интерпретации того, чем мотивированы действия оппонента. Расхождения есть не только между американскими и российскими экспертами, но и внутри экспертных сообществ самих стран. Эти противоречия были видны и в ходе заседаний Астанинского клуба в 2015 году.

Большинство российских экспертов убеждены, что США стараются ослабить Россию по всем фронтам и накачать ее за возросшую самостоятельность в проведении внешней политики. События в Украине интерпретиру-

ются как военный переворот с целью «втиснуть» страну в НАТО и занять базу Черноморского флота РФ в Крыму. В этом контексте и санкции, и попытки международной изоляции, и даже международные скандалы вокруг российских спортсменов воспринимаются как элементы американского давления на Россию. Сложные отношения Москвы и Вашингтона усиливают их взаимное недоверие в Центральной Евразии. Политика американской администрации, направленная на укрепление суверенитета стран Центральной Азии и Закавказья, воспринимается в Москве как попытка проникновения в исключительную сферу влияния России. Борьба с влиянием США – одна из основ российской политики в отношении региона. Подобная точка зрения является в России, за редкими исключениями, доминирующей.

В США, в свою очередь, идет бурная полемика относительно того, каковы намерения России и Владимира Путина, и насколько Москва угрожает современному либеральному миропорядку. Полярные точки зрения на этот вопрос занимают исследователи даже в рамках одного и того же учреждения²⁴. Часть экспертов убеждена, что целью России является подрыв международного либерального порядка, в то время как другие объясняют поведение Кремля внутренними факторами. Наиболее острыми дискуссии в американском истеблишменте становятся тогда, когда речь заходит о конкретных ситуациях – будь то действия России в Сирии или Украине. В прошедшем году администрация США пыталась искать точки соприкосновения с Кремлем, однако пока что конфронтация сохраняется. Отношения вновь обострились летом 2016 года, когда ресурс WikiLeaks выложил похищенные хакерами материалы Национального комитета Демократической партии. Многие в США расценили это как попытку российских спецслужб вмешаться в ход американских выборов.

19. Jeffrey Goldberg. The Obama Doctrine. The Atlantic, April 2016 issue. <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>

20. Julie Hirshfeld Davies. Hacking of Government Computers Exposed 21.5 Million People. The New York Times, July 9, 2015. http://www.nytimes.com/2015/07/10/us/office-of-personnel-management-hackers-got-data-of-millions.html?_r=0

21. Lynn Kuok. The U.S. FON Program in the South China Sea. Brookings Institution. June 7, 2016. <https://www.brookings.edu/research/the-u-s-fon-program-in-the-south-china-sea/>

22. Carl Thayer. Obama's Visit to Vietnam: A Turning Point? The Diplomat, May 31, 2016. <http://thediplomat.com/2016/05/obamas-visit-to-vietnam-a-turning-point/>

23. См., например, выступление в Конгрессе заместителя помощника государственного секретаря США Даниэля Розенблюма, курирующего отношения с Центральной Азией: <http://docs.house.gov/meetings/FA/FA14/20160609/105043/HHRG-114-FA14-Wstate-RosenblumD-20160609.pdf>.

24. Например, в авторитетном Brookings Institution летом 2014 года ученые занимали диаметрально противоположные позиции по вопросу отправки в Украину наступательного вооружения. А в Carnegie Endowment for International Peace одни ученые считали, что Владимир Путин покусается на международный порядок, а другие – что Кремль лишь отстаивает свои позиции, опасаясь расширения сферы влияния ЕС и США. См., например: Ulrich Speck. Russia's Challenge to the International Order. Intersection Project, August 13, 2015. <http://carnegieeurope.eu/2015/08/13/russia-s-challenge-to-international-order/ieixd> Eugene Rumer. Russia - A Different Kind of Threat. July 20, 2015. <http://carnegieendowment.org/2015/07/20/russia-different-kind-of-threat-pub-60782>

По мнению экспертов Астанинского клуба, конфликт России и США неизбежно распространится и на центр Евразии. «Если говорить о Центральной Евразии в расширительном понимании, то этот регион становится центром противоречий по оси Россия-Запад», — указывает один из экспертов. «Важно, насколько страны Центральной Азии будут втянуты в новую холодную войну между Россией и Западом, и окажутся они только на одной стороне или хотят занять более нейтральную позицию».

Европейские союзники Америки занимают неоднозначную позицию. С одной стороны, некоторые страны ЕС выступают за смягчение отношений и постепенную отмену санкций. Пример тому Италия, премьер-министр которой Маттео Ренци в июне 2016 года приезжал в Санкт-Петербург на экономический форум. К этому же склоняется глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер. С другой стороны, лидеры ЕС во главе с канцлером ФРГ Ангелой Меркель твердо стоят на позициях трансатлантической солидарности и требуют от Москвы полного исполнения Минских соглашений. Для Центральной Азии позиция ЕС по России, а также обилие внутренних проблем в самом ЕС означает неготовность Европы заниматься региональными делами.

«ЕС будет делать упор на развитие отношений из всех постсоветских стран только со странами Восточного партнерства, которые подписали договор об ассоциации с Европейским Союзом», — резюмирует один из европейских участников Астанинского клуба.

РОССИЯ - КИТАЙ

Отношения в паре РФ-КНР остаются одними из самых противоречивых во всем треугольнике больших держав. Ряд участников Астанинского клуба (прежде всего, российских) убеждены, что Москва и Пекин резко сблизились перед лицом общей угрозы со стороны США начиная с 2014 года. Некоторые эксперты предполагают, что отношения РФ и КНР уже переросли формат обычного пар-

тнерства и близки к союзническим²⁵. Это подтверждается частым уровнем личных контактов между политическими руководителями, проведением совместных военных учений вроде «Морского взаимодействия-2015» в Восточном Средиземноморье и «Морского взаимодействия-2016» в Южно-Китайском море.

С другой стороны, за прошедший год ограничения в партнерстве двух стран стали очевидны. Китайские финансовые учреждения соблюдают санкции против российских компаний, товарооборот между двумя странами вслед за падением цен на сырье упал на 30%, Пекин так и не стал крупным инвестором в Россию за исключением отдельных проектов с бизнесменами, близкими к Кремлю²⁶.

Отношения Китая и России в Центральной Азии тоже далеко не однозначны. С одной стороны, Москву и Пекин связывают многие общие интересы: поддержание региональной стабильности, борьба с экстремизмом, развитие транзитных путей на континенте. С другой стороны, активность КНР по выстраиванию экономических отношений со странами региона, в том числе с помощью инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), вызывает в России настороженность из-за угрозы потери монопольного положения крупнейшего торгового партнера региона, а также возможных рисков для ЕАЭС. Это объективно вынуждает Москву усиливать меры по изоляции Центральной Азии от любых внешних сил, что противоречит стратегическим планам Китая. Прежде всего, по созданию транспортно-логистической инфраструктуры и вовлеченности государств центра Евразии в глобальные рынки. Уникальность ситуации в том, что в вопросе открытия региона Китай вольно или невольно оказывается на стороне Вашингтона.

В свою очередь, Пекин обеспокоен возможностями Москвы по поддержанию безопасности в регионе в долгосрочной перспективе и потому начинает думать о собственных инструментах и китаецентричных механизмах поддержания безопасности. Помимо традиционных мер

²⁵. Василий Кашин. Больше, чем партнерство. Ведомости, 17 августа, 2016. <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/08/17/653493-bolshe-chem-partnerstvo>

²⁶. Alexander Gabuev. Friends With Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie Moscow Center, June 29, 2016. <http://carnegie.ru/2016/06/29/friends-with-benefits-russian-chinese-relations-after-ukraine-crisis/j2m2>

по поддержке армий наиболее слабых стран региона, таких, например, как вооруженные силы Таджикистана и Киргизии, Пекин начал конструировать четырехсторонний договор по безопасности между КНР, Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном²⁷. Учитывая, что Душанбе является формальным союзником Москвы в рамках ОДКБ, практические шаги Китая по реализации этого курса могут привести к противоречиям с Россией²⁸.

Западные участники Астанинского клуба настроены весьма скептически в отношении того, что Москва и Пекин смогут договориться в Центральной Азии и избежать конкуренции. Китайские же участники говорили о том, что интересы Пекина во многом совпадают с интересами Москвы, но Кремлю не стоит пытаться ограничивать выбор суверенных стран. Кроме того, любое партнерство лучше строить на рыночной основе.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Хотя на просторах Евразии США, Китай и Россия по-прежнему остаются государствами, способными мобилизовать значительные силовые и финансовые ресурсы для продвижения своих интересов, они уже не являются единственными главными игроками.

Появились сильные региональные игроки, решения которых все больше влияют на поведение крупных держав. И их отношения с глобальными игроками задают новую динамику для развития, что особенно ярко проявляется в моменты региональных кризисов.

Самый яркий пример такого кризиса – развитие ситуации в Сирии, где действия великих держав, таких как США или РФ, накладываются на стратегии региональных игроков вроде Турции, Ирана и Саудовской Аравии. Атмосфера соперничества может приводить к конфликтам между державами. Пример тому – конфликт между Турцией и Россией после инцидента со сбитым турецкими ВВС рос-

²⁷. China joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in security alliance. Reuters, August 4, 2016 <http://www.reuters.com/article/us-china-security-idUSKCN10F1A6>

²⁸. Татьяна Байкова. Китай теснит Россию в Центральной Азии. Известия, 16 марта 2016, <http://izvestia.ru/news/606469>

сийским бомбардировщиком Су-24 24 ноября 2015 года в небе над Сирией. И хотя наличие совпадающих интересов и личные отношения между лидерами способствовали решению конфликта, чему немало помог неудавшийся переворот в Турции, вероятность острых столкновений только нарастает.

Возможности Вашингтона, Пекина и Москвы оказывать влияние на течение геополитических процессов в Центральной Евразии не вызывает сомнений. Однако и здесь уже нельзя игнорировать фактор таких стран, как Германия, Франция, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Пакистан, Индия и других. Они имеют собственные интересы в регионе и способны реализовывать их через всевозможные экономические проекты. При этом собственные внешнеполитические и стратегические интересы государств данной группы могут как совпадать, так и вступать в жесткое противостояние и с интересами «большой тройки», и с интересами друг друга.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА НА РАЗРЫВ?

Судя по дискуссиям в рамках Астанинского клуба, главную угрозу безопасности в Евразии большинство участников видят в фундаментальных противоречиях национальных интересов великих держав. Эти противоречия имеют отношение не только к области прагматических национальных интересов в духе Realpolitik, но и к области ценностей и моделей развития. Неверное понимание интересов и приоритетов друг друга способно привести к ошибкам и просчетам.

Во-первых, непредсказуемая внутренняя динамика, накладываемая на недоверие великих держав, может иметь фатальные последствия. Помимо угрозы столкновения между державами, есть и риск возможного всплеска нестабильности в одной из региональных сверхдержав. Например, падение темпов роста ВВП в Китае ниже 7% уже оказывает влияние на социальную ситуацию, а отсутствие стимула к системным реформам повышает долгосрочные риски. Хотя надо отметить, что пока что КПК умело справляется с вызовами²⁹. Другим источником беспокойства является ситуация в РФ.

²⁹. David Shambaugh. The Coming Chinese Crackup. Wall Street Journal, March 6, 2015 <http://www.wsj.com/articles/the-coming-chinese-crack-up-1425659198>

«Отдельным внешним риском является ослабление и возможная потеря стабильности Россией — эффект этого процесса может быть крайне негативным для Центральной Евразии», — указывает один из членов Астанинского клуба.

Возможная потеря стабильности Россией грозит крайне негативными последствиями для Центральной Азии.

Во-вторых, угрозой является игнорирование интересов региональных игроков. Если раньше региональные державы играли пусть и важную, но зачастую второстепенную роль в решении ключевых региональных проблем, то теперь ситуация меняется. Мировые державы охотнее отдают им инициативу, но при этом активнее используют региональные силы для продвижения своих интересов. Особенно наглядно это проявилось в Йемене, а также в Сирии, где открыто столкнулись интересы Саудовской Аравии, Турции и Ирана. Другой пример — стремление Китая подключить ряд региональных держав в качестве инструмента для успешной реализации транспортно-логистического проекта «Один Пояс — Один Путь».

При этом, по мнению одного из участников Клуба, «в отличие от Ближнего Востока, ситуация в Центральной Азии развивается далеко не столь драматично. Нет кризиса государственности, нет открытых конфликтов, нет системных противоречий на этноконфессиональной основе».

В-третьих, регион в силу своего географического положения подвержен риску экспорта нестабильности. «Учитывая близость Западной Азии, распространение нетрадиционных угроз безопасности, таких, как гражданские войны, терроризм или рост влияния ИГ делают региональную стабильность главным вызовом для Евразии», указывает один из экспертов.

Ключевой вопрос заключается в том, может ли Центральная Евразия стать точкой разрыва или она станет своеобразным мостом для налаживания сотрудничества? Является ли данный регион субъектом в международной политике, способным самостоятельно формулировать актуальную повестку дня, или объектом игры великих держав за влияние? Несомненно, особую роль в процессе укрепления доверия между сверхдержавами должны сыграть страны региона, заинтересованные в конструктивном взаимодействии со всеми центрами силы в мире.

Позитивный пример подает Казахстан, который проводит взвешенную многовекторную политику. Интерес Казахстана, равно как и других государств Центральной Евразии заключается в том, чтобы связать регион воедино, вернуть ему прежнее геоэкономическое значение.

Надежду вселяет то, что из-за хрупкости положения в Центральной Евразии и ее важности как стратегического тыла для многих центров силы этот регион стал одним из немногих в мире, где крупные игроки сохраняют способность учитывать национальные интересы друг друга и строить ответственную линию поведения.

**4. ЕВРАЗИЯ
И НОВЫЕ ТОРГОВЫЕ
СОГЛАШЕНИЯ:
СЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИЛИ УДУШАЮЩАЯ
ПАУТИНА?**

Одним из элементов обостряющейся конкуренции великих держав и в Евразии, и на глобальном уровне становится появление новых торгово-инвестиционных мегаблоков. Из-за кризиса ВТО и нарастающей борьбы сверхдержав за право писать правила для мировой торговли, новая архитектура будет более полицентрична, многоукладна и конкурентна.

Ключевыми форматами являются продвигаемые США идеи Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), которые задают самые высокие стандарты в области трудовых отношений, доступа к госзакупкам, регулирования вопросов интеллектуальной собственности и т.д. При этом каждый из глобальных игроков имеет свой подход и свою стратегию. Китай делает ставку на Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), а Россия пытается создать экономическое партнерство Большой Евразии.

Хотя сама Центральная Азия не является объектом конкуренции таких геоэкономических блоков, для стран региона значение конкуренции между подобными интеграционными форматами крайне велико. С одной стороны, успешное развитие форматов вроде ТТП может привести страны региона к фиксации их роли в качестве сырьевых придатков развитых стран без надежды когда-либо перескочить на другую ступень. С другой стороны, настойчивые усилия Москвы и Пекина по включению стран Центральной Азии в патронируемые ими блоки могут создать крайне жесткие условия для региональных экономик.

Разумеется, столь сложные и противоречивые процессы вызывают массу различных интерпретаций и споров. Одной из площадок, где значение подобных объединений впервые обсуждалось в региональном разрезе, и стал Астанинский клуб.

ТТП: АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД

США не были инициаторами создания ТТП, однако после запуска переговоров присоединились к изначальной четверке партнеров (Бруней, Новая Зеландия, Сингапур и Чили) и возглавили процесс. Стремление США к ТТП было обу-

словлено несколькими причинами. Во-первых, отдельные корпоративные игроки видели свой интерес в том, чтобы собственное видение глобального регулирования своих отраслей продвигать на подобных площадках. Второе - геополитические интересы Вашингтона, старавшегося дополнить военный аспект политики «Поворота к Азии» экономической составляющей. Но главный стимул заключался в исчерпани попыток модернизировать ВТО в рамках Дохийского раунда³⁰. Очевидно, что развитые и развивающиеся страны не имели возможности пойти на более глубокие компромиссы. Но американский бизнес требовал переходить на более высокие стандарты регулирования. Кроме того, бизнес устал от протекционизма крупных развивающихся стран (прежде всего, Индии и Китая) на своих рынках. Поэтому и был выработан переход на новые правила: открытие своего рынка в обмен на открытие самого крупного в мире американского рынка.

«Логика такая: невозможно перейти в восьмой класс, пока мы будем ждать ленивых отстающих, которым и в седьмом хорошо. Для этого надо чтобы все отличники собрались и все же перешли на новую ступень, а отстающие либо подтянутся, либо застрянут навсегда», — поясняет подход США один из участников Астанинского клуба.

Вот почему ТТП часто называют «экономическим НАТО» и отмечают, что создание блока будет подрывом универсальных правил³¹. «Мы все эти правила выработывали совместно, долго старались под них адаптироваться, но теперь нам говорят, что старые правила работать не будут или случаи их применения будут ограничены, и надо переходить на новые», — отмечает один из экспертов.

Логика, согласно которой ТТП станет универсальной организацией, строится на том, что снятие торговых барьеров и упрощенный доступ на рынки будут способствовать тому, что в ТТП и ТТИП начнут перетекать многие глобальные цепочки создания добавленной стоимости. Это означает, что страны, оставшиеся за бортом соглашений, будут терять

30. Council on Foreign Relations Background: WTO <http://www.cfr.org/international-organizations-and-alliances/world-trade-organization-wto/p9386>

31. Jomo Kuwame Sundaram. TPP's Threat to Multilateralism. Global Issues, February 16, 2016 <http://www.globalissues.org/news/2016/02/16/21842>

бизнес, который будет перемещаться внутрь ТТП/ТТИП. Это подтолкнет их к вступлению в мегаблоки на уже действующих условиях и открывать свои рынки, создавая всем равные условия для конкуренции³².

«Отчасти ТТП и ТТИП можно сравнить с послевоенным планом Маршала», отмечает один из участников Астанинского клуба.³³

Если договор по ТТИП будет подписан, а ратификация ТТП состоится, Евразия с двух сторон окажется зажата американоцентричными торговыми режимами. Следующим шагом может стать заключение соглашений между обоими блоками. Или, например, соглашение между ЕС и Японией. В этом случае многие государства континентальной Евразии рискуют остаться за бортом, что в долгосрочной перспективе грозит им деградацией в глобальной системе разделения труда³⁴.

Следует отметить, что ТТП и ТТИП встречают огромное непонимание среди тех экспертов, которые не занимаются вопросами мировой торговли и геоэкономики. Со стороны российских комментаторов можно услышать тезис о том, что ТТП и ТТИП являются «новым изданием колониальных практик». Об этом, в частности, написал даже тогдашний председатель Госдумы РФ Сергей Нарышкин³⁵.

Разумеется, 2016-й год поставил под вопрос реализацию обоих проектов. Конгресс США пока что не ратифицировал ТТП, поскольку вступление в соглашение означает потери для ряда штатов. Ожидается, что ратификация возможна после ноябрьских выборов президента США, когда Конгресс соберется на сессию «хромых уток». Однако исход голосования предсказать невозможно. При этом и Хиллари Клинтон, и Дональд Трамп публично критикуют ТТП и говорят, что не поддержат соглашение в случае своего избрания.

32. Peter A. Petri, Michael G. Plumer. The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates. Peterson Institute of International Economy. January 2016. <https://piie.com/publications/working-paper/economic-effects-trans-pacific-partnership-new-estimates>

33. Peter A. Petri, Michael G. Plumer. The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates. Peterson Institute of International Economy. January 2016. <https://piie.com/publications/working-paper/economic-effects-trans-pacific-partnership-new-estimates>

34. Ibid.

35. Сергей Нарышкин. Геополитика: инстинкты колонизаторов. Ведомости, 14 апреля, 2015. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/14/instinkt-kolonizatorov-ili-podopleka-globalnogo-liderstva>

Подписание договора по ТТИП также сталкивается с огромными проблемами. США и ЕС не могут договориться по ряду ключевых областей. Таким, например, как доступ к госзакупкам, поддержка сельского хозяйства, либерализация финансового сектора и фитосанитарные нормы. Учитывая рост протекционистских настроений в ЕС и усиление роли популистских партий, вряд ли эти противоречия могут быть разрешены до выборов. В то же время события вокруг Brexit дополнительно осложняют переговоры, поскольку пока не известны условия выхода Великобритании из ЕС. Соответственно, непонятно, будет ли Лондон и дальше иметь возможность участвовать в переговорах о ТТИП³⁶. При этом даже невозможность ратификации ТТП и заключения ТТИП при Бараке Обаме вряд ли заставят Вашингтон полностью отказаться от этих планов. Поэтому наиболее вероятный сценарий – возрождение обоих проектов, пусть и в измененной форме.

ВРЭП: КИТАЙСКИЙ ПОДХОД

Ответы крупнейших стран евразийского региона на инициативы США пока разнятся. Китай надеется на подписание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которое хоть и в меньшей степени, чем ТТП, но снизит пошлины и откроет рынки. Идею ВРЭП выдвинули страны АСЕАН в 2012 году во время заседания Восточноазиатского саммита в Пномпене. Она заключалась в том, чтобы создать углубленное партнерство на основе зон свободной торговли (ЗСТ) между АСЕАН и его партнерами по диалогу. Кроме США и России, у которых нет зоны свободной торговли с предполагаемым блоком государств. Таким образом, помимо десяти стран Юго-Восточной Азии, блок должен включить Китай, Японию, Индию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Общий ВВП блока по состоянию на 2014 год составлял бы 22,6 трлн долл. США, а общее население стран-участников 3,47 млрд человек³⁷. Китай быстро присоединился к переговорам и является одним из активных сторонников³⁸.

36. Алена Соколянская. Почему США и ЕС не могут договориться о Трансатлантическом партнерстве. Carnegie.ru, 26 августа, 2016 <http://carnegie.ru/commentary/2016/08/26/ru-64348/j3w6>

37. По данным МИД Австралии: <http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/pages/regional-comprehensive-economic-partnership.aspx>

38. "Give Play of China's Important Role and Accelerate RCEP Negotiations", a Statement of PRC MOFA, September 1, 2014 http://fta.mofcom.gov.cn/enarticle/rcepen/enrcepenews/201411/18815_1.html

По сравнению с требованиями ТТП, требования ВРЭП должны быть менее строгими по отношению к наиболее чувствительным для Китая отраслям. К ним относятся госзакупки, борьба с коррупцией и интеллектуальная собственность. Это позволит Пекину отчасти затормозить потенциальное перетекание бизнеса из КНР в такие страны-члены ТТП, как Вьетнам, который, судя по данным Peterson Institute³⁹, будет одним из наиболее выигравших игроков в случае подписания ТТП. Правда, на фоне торможения ТТП, тормозит и ВРЭП. Поэтому подписание соглашения, которое должно было состояться до конца 2016 года, перенесено на 2017-й год⁴⁰.

Впрочем, при отсутствии прогресса по ВРЭП и в случае ратификации ТТП Китай не исключает для себя вступления в возглавляемый США мегаблок на уже согласованных условиях⁴¹. Вашингтон и его партнеры подчеркивают, что «особых условий» для новых членов не будет. Но в Пекине надеются, что хаос в американской внутренней политике не позволит Вашингтону добиться этого стратегического успеха⁴².

Важно отметить, что даже в случае ратификации ТТП условия для работы инфраструктурной составляющей китайского проекта ЭПШП пока не сильно изменятся. Участие китайских компаний в больших инфраструктурных проектах в Азии будет предметом для особых договоренностей со страной-получателем инвестиций. Значение ТТП важно лишь для исполнения той части ЭПШП, которая связана с созданием ЗСТ. При этом ТТП не отменяет уже существующую вокруг Китая сеть зон свободной торговли. Оно лишь меняет внешние условия их функционирования, способствуя перетеканию цепочек создания добавленной стоимости внутрь ТТП⁴³.

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РОССИЙСКИЙ ПОДХОД

Россия категорически не приемлет ТТП, полагая, что этот

проект имеет геополитические цели и направлен на ослабление Москвы и Пекина.

«Келейная выработка правил без российского участия нацелена на изоляцию крупнейших стран региона, не согласных с американским диктатом, прежде всего Китая и России», — указывает один из участников Астанинского клуба, описывая российский подход.

Правда, американские эксперты отмечают, что процедура присоединения к переговорам по ТТП максимально прозрачна. Для этого сама страна-заявитель должна попроситься в объединение, как в свое время сделали США. Но Россия долгое время вообще не следила за ходом переговоров, полагая, в отличие от Китая, что заключить соглашение не удастся.

После объявления о подписании ТТП российское руководство объявило, что будет создавать альтернативный формат. Первое объявление прозвучало в декабре 2015 года во время послания Владимира Путина Федеральному собранию⁴⁴. В это партнерство, по замыслу Москвы, должны войти страны ЕАЭС, ШОС (включая новых членов Индию и Пакистан, а также в перспективе - Иран) и АСЕАН. Партнерство должно включать в себя снятие нетарифных барьеров в различных областях, соглашение о защите инвестиций, а также выработку технологических стандартов для товаров будущего. Первым шагом должно стать соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР⁴⁵, переговоры по которому были запущены в июне 2016 года. При этом пока что Пекин относится к проекту настороженно, заняв выжидательную позицию и отдав Москве инициативу при формировании повестки переговоров.

«Мы не очень понимаем, что конкретно предлагает Россия, поэтому ждем разъяснений от наших партнеров», — говорят китайские участники Астанинского клуба.

Интерес России заключается в том, чтобы ЗСТ с Китаем не разрушила ЕАЭС изнутри. То есть не была бы излишне глубокой и не строилась на безоговорочном принятии китайских стандартов. При этом переговорный процесс явно

будет испытывать влияние событий, происходящих вокруг ТТП. Но даже если американскую инициативу ждет неудача, темп переговоров ЕАЭС и КНР все равно будет невысоким, а глубина соглашения не превысит глубину ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом.

ВЫБОР ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Конкуренция форматов ставит страны евразийского региона перед непростым выбором как в сфере внешнеэкономической и торговой дипломатии, так и в сфере проведения структурных реформ.

Ведь нужно будет решить, к какому из соглашений примкнуть. В любом случае последствия для стран Центральной Азии окажутся чрезвычайно важными. Учитывая сырьевой характер экспорта многих стран, а также доминирующее значение рынков РФ и КНР для всех центральноазиатских экономик, процесс создания зон свободной торговли на базе ТТП и ТТИП не будет иметь быстрого воздействия на экономики стран Центральной Азии. Однако в случае формирования обоих партнерств и перетекания в них существующих цепочек создания добавленной стоимости, страны Центральной Азии все больше будут консервироваться в роли поставщиков сырья без возможности занять новые ниши на глобальных рынках. Под угрозой окажутся планы диверсификации национальных экономик.

Впрочем, у этих процессов уже есть одно важное следствие. Если РФ и КНР выступят драйверами формирования экономического партнерства между Китаем и ЕАЭС, то воздействие на страны Центральной Азии окажется гораздо более серьезным. Оно включит в себя потенциальную угрозу для местных производителей и программ развития импортозамещения. Ответом может стать проведение структурных реформ, которое облегчит условия ведения бизнеса и поможет развитию национальных производительных сил. Этот экономический вызов обостряется и меняющимися внешнеэкономическими условиями, прежде всего глобальным падением цен на сырье.

39. Peter A. Petri, Michael G. Plumer, ibid.

40. Petchanet Partuangkrai. RCEP talks extended to next year amid hiccups. The Nation, September 12, 2016. <http://www.nationmultimedia.com/business/RCEP-talks-extended-to-next-year-amid-hiccups-30295062.html>

41. Sarah Hsu. China and the Trans-Pacific Partnership. The Diplomat, October 14, 2015. <http://thediplomat.com/2015/10/china-and-the-trans-pacific-partnership/>

42. Barry Naughton, Artur R. Kroeber, Guy de Jonquieres, Graham Webster. What Will the TPP Mean for China? Foreign Policy, October 7, 2015. <http://foreignpolicy.com/2015/10/07/china-tpp-trans-pacific-partnership-obama-us-trade-xi/>

43. Peter A. Petri, Michael G. Plumer, ibid.

44. Текст послания можно найти на официальном сайте Кремля: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

45. См. объявление на сайте Евразийской экономической комиссии: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016-1.aspx>

5. ВО ГЛУБИНЕ ЕВРАЗИЙСКИХ РУД: КОНЕЦ СЫРЬЕВОГО СУПЕРЦИКЛА?

Прошедший год показал, что надежды на скорое восстановление сырьевой конъюнктуры и возвращение цен на углеводороды к отметкам выше 100 долл. США за баррель были чрезмерно оптимистичными. Падение цен на сырье, наблюдавшееся в 2014–2015 годах, может носить структурный характер. Влияние динамики на мировых рынках, начиная от «сланцевой революции» в США и заканчивая переходом к новому, более ресурсоэкономному технологическому укладу в глобальном масштабе, должно в корне поменять философию экономической политики ресурсодобывающих стран. Страны Центральной Азии – тот регион Евразии, где проблемы могут ощущаться особенно остро.

ЦЕНЫ НА НЕФТЬ: ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Многие ведущие мировые аналитики указывают, что единственная истина, справедливая при попытках спрогнозировать цены на нефть, заключается в том, что их невозможно спрогнозировать. Разброс оценок экспертов по поводу того, как будет развиваться мировая энергетика, крайне велик. Например, в прогнозах Управления энергетической информации США, традиционно отражающего ожидания потребителей, и в прогнозах нефтяной компании BP, выражающей чаяния производителей энергоресурсов, подчеркиваются совершенно различные факторы, которые могут задавать будущую динамику цен. Управление энергетической информации США⁴⁶ прогнозирует, что ведущей тенденцией станет рост генерации электроэнергии на месте потребления. Произойдет это за счет роста эффективности использования возобновляемых источников энергии, таких как солнце и ветер, что может серьезно повлиять на спрос со стороны домохозяйств. Этим же управлением прогнозируется продолжение технологической революции, которая позволит снизить стоимость добычи «сланцевых» нефти и газа и извлекать запасы из сложных месторождений. Из-за стремления к снижению выбросов углекислого

газа увеличится потребление газа природного. И хотя в прогнозе отмечено, что цены на нефть в долгосрочной перспективе все равно могут расти, сам рост оценивается как не очень значительный. К тому же, если продолжится политика конкурентных девальваций мировыми Центробанками, значительная доля роста может быть компенсирована инфляцией доллара.

Отчет BP «Взгляд на энергетику до 2035 года»⁴⁷ указывает более позитивные для нефтяников тенденции. По мнению нефтяной компании, прирост в потреблении энергии между 2014 и 2035 годами составит 34%. При этом мировой ВВП вырастет за это двадцатилетие в два раза. 20% этого роста объясняются демографией, поскольку население Земли должно увеличиться на 1,5 млрд человек - до 8,8 млрд. А еще 80% — увеличившейся продуктивностью. При этом на углеводороды (нефть и газ) придется 60% прироста спроса, а их доля в финальном энергетическом балансе мира составит около 80%. Это будет происходить за счет падения доли угля. Доля возобновляемых источников энергии будет расти, но не превысит 9% в глобальном энергобалансе к 2035 году. Что касается нефтяных цен, то они будут расти. Нынешний уровень низких цен, по мнению аналитиков BP, сильно ударит по производителям, в том числе и по компаниям, ставшим пионерами «сланцевой» революции. Все это и подстегнет потребление. Главным же драйвером спроса, по мнению BP, будет оставаться Китай.

Какой из этих прогнозов более реалистичен, покажет только время. Но уже сегодня можно констатировать, что большинство аналитиков преуменьшало роль технологий и скорость их развития, которые серьезно снижали себестоимость добычи. Вера в то, что нефтяные компании настолько могущественны, что могут задерживать появление технологий на рынке, не оправдывает себя. Тренд последних лет, когда капитализация технологических компаний начала опережать капитализацию традиционных производителей углеводородов, говорит о смещении центра силы в мировой экономике. Технологии становятся важнее доступа к ресурсам. В любом случае, одним из важнейших факторов, определяющих динамику сырьевых цен, станет Китай.

46. Annual Energy Outlook 2016 with projections to 2040. U.S. Energy Information Administration. August 2016. [https://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383\(2016\).pdf](https://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383(2016).pdf)

47. BP Outlook to 2035 — energy use to rise by a third <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook-2035/energy-outlook-to-2035.html>

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН: УСТОЙЧИВ ЛИ АППЕТИТ К СЫРЬЮ?

Торможение китайской экономики давно закладывается во все макроэкономические модели как один из важнейших факторов, определяющих цены на нефть и другие биржевые товары (commodities). Общим местом стало то, что рост Китая падает, и к темпам роста ВВП выше 10% в год, характерных для страны в 1980-е, 1990-е и 2000-е годы, возврата уже не будет. Это утверждение, кстати, отражает и консенсус среди экспертов Астанинского клуба.

«Так называемый суперцикл сырьевых товаров, вызванный тремя десятилетиями роста Китая выше 10% в год, пришел к концу. Маловероятно, чтобы мы увидели зарождение еще одного цикла», — указывает один из экспертов Астанинского клуба.

Рост экономики КНР в 2015 году составил 6,9%. Рост в 2016-м прогнозируется в интервале между 6,5% и 7%. Впрочем, многие экономисты сомневаются в справедливости даже этих оценок из-за недоверия к китайской статистике. Кроме того, у экспертов вызывает сомнение способность КНР расти темпами 5-6% в год, если ценой таких темпов роста станет накопление опережающими темпами внутреннего долга. По оценкам McKinsey&Co, объем долга к ВВП в Китае в 2014 году уже составил 281%. А сейчас по разным данным он составляет от 250% до 300%. Это меньше, чем уровень задолженности в США и Японии, однако в Китае рост долга происходит при гораздо меньшем уровне ВВП на душу населения и при централизованной модели экономического развития, неэффективность которой признают даже власти страны. Об этом в своих выступлениях говорил даже премьер Госсовета КНР Ли Кэцян. Аналитики указывают, что достижение высоких темпов роста путем увеличения задолженности — это путь в никуда. И Китаю лучше пожертвовать ростом ради реструктуризации долгового портфеля⁴⁸.

Так или иначе, в своих программах реформ Пекин делает ставку на снижение роли инвестиций в инфраструктуру и переход к внутреннему потреблению как основному драйверу

48. Michael Pettis. China's Rebalancing Timetable. China Financial Markets, November 29, 2015 <http://blog.mpettis.com/2015/11/chinas-rebalancing-timetable/>

роста⁴⁹. В этих условиях следует ожидать снижения потребления. Прежде всего - базовых металлов, необходимых для инфраструктурного развития, а также углеводородов. Снижение цен на биржевые сырьевые товары из-за торможения китайской экономики закладывает в свои прогнозы все больше экономистов⁵⁰. Самые большие потери пока несут добывающие горнорудные компании⁵¹.

Ни один из вероятных сценариев развития китайской экономики не является хорошей новостью для стран, специализирующихся на производстве сырья. Если Пекин будет успешен в проведении экономических реформ, это потребует резкого снижения темпов инфраструктурного строительства и большей ориентации на эффективное использование природных ресурсов. А, следовательно, на снижение их потребления. Если же власти КНР не смогут вовремя решить эту проблему, финансовую систему Китая, а затем и всю экономику может ждать «жесткая посадка» в виде резкого падения ВВП и еще более резкого сокращения потребления ресурсов.

ВЫБОР ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эксперты Астанинского клуба сходятся во мнении, что хотя природные ресурсы и продолжают играть важную роль в глобальной экономике, но «золотой век сырьевого суперцикла» закончился. В этих условиях страны, основным источником доходов которых являлся экспорт углеводородов и металлов, будут сталкиваться с новыми вызовами. Доходы бюджета упадут, что потребует как сокращения расходов, так и поиска новых источников роста. Диверсификация экономики, проведение структурных реформ и улучшение инвестиционного климата из лозунгов превращаются в насущную необходимость.

49. Barry Naughton. Supply-Side Reform By Mid-Year: Compliance, Initiative and Unintended Consequences. China Leadership Monitor. Fall 2016: Issue 51.

50. Paul Cashin, Kamiar Mohaddes, Mehdi Raissi. China's Slowdown and the Global Market Volatility: Is World Growth Losing Out? International Monetary Fund Working Papers, March 2016 <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp1663.pdf>

51. Sarah Gordon. Which industries will be hit hardest by China's slowdown? World Economic Forum, January 20, 2016 <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/which-industries-will-be-hit-hardest-by-china-s-slowdown>

«Смена мировой экономической парадигмы, конец ресурсной эры являются серьезным вызовом для тех стран Центральной Евразии, которые получают существенную долю ВВП от ресурсов», — резюмирует один из экспертов.

Одновременно страны региона должны будут внимательнее искать потенциальные ниши в глобальном разделении труда, которое будет определяться конфигурацией торгово-инвестиционных мегаблоков. Новые вызовы будут стоять и перед проектами повышения инфраструктурной связанности мегаконтинента. С падением роли природных ресурсов, а также в случае формирования замкнутых блоков вокруг ТТП и ТТИП привлекательность подобных проектов окажется под вопросом. С другой стороны, страны, пока что остающиеся за бортом западноцентричных форматов, будут еще больше заинтересованы как в развитии физической инфраструктуры для повышения связанности с Европой, так и в развитии альтернативных форматов макрорегиональной интеграции. Такой, например, как ЭПШП.

Ответом Европы и США на экономический кризис, продолжающийся с 2008 года, является переход на новый этап развития. Его частью могут стать и новые технологические уклады («Промышленная революция 4.0»), и возвращение производств из развивающегося мира. При этом сценарии возможности реализовывать курс «догоняющего развития» для развивающихся стран будут сильно ограничены, поскольку потоки капитала в развивающийся мир сократятся. Усиливающаяся иерархизация мировой экономики — тоже плохая новость для стран Центральной Азии и слаборазвитых уголков всей Евразии. Одна из ниш, на которые могут рассчитывать страны Центральной Азии в этих условиях, — международный транзит.

Одним из важных ответов могут стать меры по стимулированию развития внутреннего рынка, что потребует от правительств проведения глубоких структурных реформ. Опыт 25 лет независимости постсоветских стран, неоднозначный опыт трансформации во многих государствах восточной Европы, а также лишь за некоторым исключением отсутствие реформ на Ближнем Востоке свидетельствует о том, что переход будет трудным. Как отмечает один из участников Астанинского клуба, «цикл низких цен на нефть будет оказывать давление на Центральную Азию и толкать страны

к проведению структурных реформ. Но пока что лишь Казахстан сделал какие-то подвижки в этом направлении». Однако в условиях сжатия внутреннего и внешнего спроса только успешные реформы смогут стать причиной притока иностранного капитала.

«Неудача в курсе диверсификации экономики региона, отход от опоры на ресурсодобывающие отрасли и невозможность проведения экономических реформ ограничат потенциал региона для привлечения иностранных инвестиций», — категоричен один из участников обсуждений в рамках Астанинского клуба.

ИНФРАСТРУКТУРА ЕВРАЗИИ: ПЕРЕКРЕСТОК ИЛИ ТУПИК?

Новым источником экономического роста в Евразии должно стать повышение транспортной связи региона при помощи развития наземных маршрутов. При этом многие проекты и маршруты являются конкурирующими между собой. Стимулированию горизонтальных маршрутов Азия - Европа отвечают проекты ЭПШП (Китай) и ТРАССЕКА (ЕС), а также запущенный в мае 2015 года Россией и Китаем диалог о сопряжении ЕАЭС с ЭПШП. В то же время американский проект «Нового шелкового пути» ориентирован на повышение связанности Центральной Евразии не с Китаем или Европой, а с бассейном Индийского океана — через Афганистан и Пакистан.

В идеале все эти проекты могли бы дополнять друг друга. Конкуренция на рыночных принципах позволила бы производителям и грузоотправителям выстраивать оптимальные логистические цепочки и больше задействовать транзитный потенциал региона. Таким образом, из «конца географии» и «пространственного тупика» Центральная Азия превратилась бы в мост, связывающий между собой, по меньшей мере, три глобальных центра экономического роста: гигантский рынок Евросоюза, огромный Китай и динамичную Южную Азию во главе с Индией.

«80% мировой торговли проходят через морские маршруты. Некоторые страны могут считать это уязвимостью, поэтому будут делать выбор в пользу ЭПШП и маршрутов через Центральную Азию, которые представляют альтернативу», — говорит один из участников клуба.

Однако развитию подобного сотрудничества препятствуют сразу несколько факторов. Один из них — низкая коммерческая проработанность маршрутов. Другой, самый главный — внешнеполитическая конкуренция и атмосфера подозрительности, которой сопровождается каждая из инициатив. Все эти дискуссии нашли свое отражение и в работе Астанинского клуба.

КИТАЙСКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ЕСТЬ ЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

Наибольшие споры, разумеется, вызывает китайская инициатива Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), объявленная Си Цзиньпином в Астане в сентябре 2013 года и дополненная океанической составляющей — «Морским Шелковым Путем XXI века». Вместе оба проекта стали известны сначала как «Один пояс — один путь», а с 2016 года просто как «Пояс и путь». Мнения об этом проекте сильно расходятся, что было видно и в процессе заседаний Астанинского клуба. Значения проекта никто не отрицает.

«Вся дискуссия о Евразии как некой единой геополитической и геоэкономической сущности была вызвана китайской стратегией Пояса и Пути», — признает один из экспертов. Но конкретные оценки не совпадают.

Китайские участники подчеркивали, что ЭПШП — исключительно экономический проект. Главное для Пекина — помощь в развитии соседних государств. Китай просто хочет поделиться с окружающим миром результатами своего феноменального развития последних 30 лет и тем самым внести вклад в укрепление мира и безопасности во всей Евразии.

«Проект Пояса и Пути открывает возможность для стран региона, в особенности для государств Центральной Азии и Южного Кавказа, восстановить свое историческое значение как коридоров, связывающих Китай и Европу», — отмечает один из участников.

В то же время многие участники Астанинского клуба, представляющие США, ЕС и Японию, испытывают по поводу проекта «Пояс и путь» большой скептицизм. Прежде всего, многие сомневаются в искренности намерений Пекина. Здесь оценки разнятся. Одни считают, что ЭПШП станет средством китайской колонизации Центральной Азии. Другая, более мягкая точка зрения, состоит в том, что Китай с помощью этого мегапроекта хочет решить свои внутренние проблемы. Прежде всего, обеспечить доступ к сырью, найти новые рынки сбыта для китайской продукции, экспортировать излишки и экологически вредные производственные мощности, а также занять своих рабочих.

«Все эти проекты, которые продвигают внешние силы, в особенности такие как «Один Пояс - Один Путь», направлены не на решение проблем Евразии, они направлены на решение проблем тех стран, которые их продвигают», — говорит один из западных членов Астанского клуба.

Скептически относятся участники и к тем благам, которые ЭПШП может в перспективе дать странам Центральной Азии. Одна из причин — желание Китая развивать связи скорее с богатой и передовой Европой, которая может стать новым рынком для китайской продукции и потреблять китайские инфраструктурные решения. Центральной Азии в этой схеме отводится лишь роль транзита без создания какой-либо добавленной стоимости.

«Китай гораздо больше сконцентрирован на укреплении своих отношений с Восточной Европой, чем с Центральной Азией», - утверждает один из европейских экспертов. «Пока Евразия не будет развивать собственные рынки, никакие транзитные проекты ее не изменят», - говорит другой.

Сомнение в проекте ЭПШП вызывает и тот факт, что за три года после объявления проекта больших результатов достигнуть не удалось. Это видно, например, по уровню ин-

вестиций. Созданный в 2014 году Фонд Шелкового Пути (Silk Road Fund) провел пока всего три сделки: финансировал строительство ГЭС в Пакистане вместе с другими китайскими институтами развития, помог китайской компании купить долю в итальянском производителе шин Pirelli, а также долю в российском проекте «Ямал СПГ».

«Слишком много евразийских стран испытывают эйфорию от проекта Пояса и Пути. Все они считают себя узловыми и ожидают масштабных инвестиций, однако они все конкурируют за свое место в этом проекте», — отмечает один из экспертов.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ТУПИК ИЛИ МОСТ?

И все же взаимодополняемость транспортных проектов может стать основой для взаимодействия великих держав в центре Евразии, хотя бы в сфере логистики. Основным драйвером процессов во многом является Китай, поддерживающий свою инициативу обещаниями предоставить масштабные кредитные ресурсы. Кроме того, Пекин обещает с помощью новых институтов вроде Азиатского банка делать инфраструктурные инвестиции. С другой стороны, в рамках политики «Нового Шелкового пути» США продвигают идею увеличения связанности Евразии по вертикали — от Центральной Азии до Индийского океана. Наконец, свои инфраструктурные инициативы в Центральной Евразии намерена развивать и Япония, обещавшая выделить на эти цели 110 млрд долларов США.

«Евразия может получить большую выгоду от китайских, индийских и японских инвестиций в проекты, повышающие инфраструктурную связанность западной Азии и Евразии», — резюмирует один из участников.

Обилие транспортных маршрутов, конечно, выгодно странам Центральной Азии, Закавказья, а также многим прилегающим державам, поскольку помогает преодолеть их изолированность. В то же время конкуренция маршрутов обостряет противоречия великих держав, усиливает гео-

политические риски и снижает их привлекательность. Один из главных вопросов заключается в том, хватит ли у США управленческих возможностей для воплощения своего видения. И второй, не менее важный: достаточно ли у КНР ресурсов для реализации ЭПШП на фоне торможения темпов роста китайского ВВП и нарастающего беспокойства по поводу «плохих долгов».

Препятствия на пути проводимости товарных потоков создают как политические риски, так и несовершенство регулирования. Отсутствие прозрачных и общепризнанных экономических расчетов различных маршрутов повышает состояние неопределенности. Риски, связанные с безопасностью также не ограничиваются конкуренцией различных проектов. Ведь в случае реализации транспортных инициатив и повышения связанности регионов между собой повышаются возможности увеличения миграции. Китай уже столкнулся с проблемами безопасности, пережив в августе атаку террористов на посольство КНР в Бишкеке. Очевидно, что реализация транзитных транспортных маршрутов через Центральную Азию — это не только геополитическая конкуренция великих держав, но и вопрос обеспечения безопасности объектов от террористических угроз. Для преодоления всех этих проблем необходима площадка для диалога с привлечением не только бизнесменов, но и представителей национальных правительств и специалистов по безопасности.

Отдельная проблема - привлечение финансирования для строительства инфраструктуры и для развития инвестиционных проектов. Важным источником этого могут стать региональные финансовые центры. Такие, например, как создаваемый в Астане МФЦА.

**6. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ ЕВРАЗИИ:
ИСТОЧНИК
НЕСТАБИЛЬНОСТИ
ИЛИ БОГАТСТВА?**

В условиях обострения геополитической конкуренции, нарастания идеологических и религиозных конфликтов, глобального перехода экономики к новому технологическому укладу и изменения экономических условий в ресурсопроизводящих странах вопросы социальной стабильности и развития человеческого капитала встают особенно остро. Прежде всего, речь идет о проблемах миграции. Как и на заре Средних веков, когда изменение климатических условий и появление пассионарных кочевых империй привело в движение большие массы людей, так и сегодня изменение глобального экономического уклада вкупе с нарастанием хаоса может вызвать серьезную миграцию. Очевидным примером могут служить многие страны Ближнего Востока, население которых из-за последствий «арабской весны» устремилось в более благополучные страны региона или ЕС.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ: МИГРАЦИЯ, РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ СВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Миграция и изменение этноконфессионального состава обществ стали уже проблемой не только для развивающихся стран, но и для успешных развитых государств Европы. Волна террористических атак, которую в 2016 году пережили Франция, Германия и Бельгия, поставили под вопрос основы европейского проекта. Такие в частности его основополагающие принципы, как свобода передвижения, толерантность и мультикультурализм. Ответом на рост радикального исламского терроризма становится рост популярности ультраправых настроений, а также стремление ограничить миграцию и защитить традиционный уклад жизни. К примеру, во Франции уже ввели ограничения по ношению традиционной одежды для французов мусульманского происхождения. Негативное отношение к миграции стало одной из важнейших причин победы сторонников Brexit на июньском референдуме в Великобритании. Последствия этих явлений пока сложно предсказать, поскольку усиление давления на мусульманское население Европы может привести к дальнейшей радика-

лизации молодежи и усилению исламистского подполья в ЕС. Политическим же последствием становится усиление электоральных позиций партий правого толка. Таких, например, как французский «Народный фронт».

Многие эксперты Астанинского клуба уверены в том, что события в Европе и миграционный кризис, с которым столкнулся ЕС – это отголоски более глубоких проблем, вызванных последствиями «арабской весны» и попытками трансформировать Ближний Восток. «Один из главных вызовов для региона - глобализация общественной жизни и глобализация ислама как религии, что в условиях демократических процессов ведет к столкновениям и активизации национализма, а также радикализации религии», — указывает один из экспертов. «Основное противостояние будет разворачиваться между модернистскими проектами светских государств и радикальными религиозными движениями. Политическим элитам придется вести модернизацию не столько и не только ради собственных граждан, а ради сохранения государств как таковых», — вторит другой участник Астанинского клуба.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ 4.0: НУЖНЫ ЛИ ЛЮДИ?

Впрочем, у вопроса о человеческом капитале появляется еще одно важнейшее измерение – технологическое. Не случайно феномен «Индустриализация 4.0» вызвал в нынешнем году мощную дискуссию.

Начавшаяся в Германии новая промышленная революция оказывает влияние на значительную часть мира и ведет к глубоким изменениям рынка труда⁵². Как и промышленная революция в Великобритании двухсотлетней давности, нынешняя, германская, ведет к значительному росту эффективности производств⁵³.

Однако общий эффект для экономики сопровождается неясностью по поводу социальных последствий. Потому

⁵². The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, January 2016 <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/>

⁵³. Dominique Barr. Manufacturing's Next Act. McKinsey Global Institute <http://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/manufacturings-next-act>

что в результате этого научного прорыва многие миллионы людей могут оказаться без работы. Ведь автоматизация сводит роль человека на производстве к минимуму. Современные машины куда менее прихотливы и куда более экономны в расходе ресурсов. А темп инноваций делает промышленных роботов все более дешевыми. Эти тенденции могут стать основой для волнений и новых миграционных волн.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

В зоне риска находятся многие уголки Евразии, включая Россию и Казахстан. Особенно уязвима южная периферия Центральной Азии, где в случае политических и экономических катаклизмов может начаться миграция населения из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Связанные с людьми вызовы не ограничиваются вопросами миграции. В меняющихся условиях правительства многих стран оказываются перед непростой дилеммой. С одной стороны, население становится источником угроз для социальной стабильности, а потому государства должны предпринимать усилия по ограничению негативного информационного влияния и расширению социально-ориентированных программ. В то же время ресурсов для реализации таких программ становится все меньше, а попытки ограничить информацию ведут к деградации качества человеческого капитала.

С другой стороны, попытки повысить уровень развития человеческого капитала при помощи стимулирования образования, интернационализации населения и повышения роли гражданского общества ведут к большей самостоятельности самих обществ. А, главное, к повышению требований к качеству институтов государственного управления. В новой экономической ситуации, где качество человеческого капитала становится ключевым элементом конкурентоспособности любой страны, а также в условиях глобальной радикализации масс, требуется крайне выверенная социальная и образовательная политика и программа структурных реформ, напоминающая принятые в Казахстане «Сто шагов».

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня мы находимся на чрезвычайно интересном и очень важном этапе развития. Наверное, впервые за последние 25 лет ни у кого в мире нет кристальной четкости относительно сути происходящих процессов и абсолютной уверенности в понимании нашего большого мира и тех правил, по которым он живет. Это касается и экономики, и политики, и, что немаловажно, идеологии.

Как ни парадоксально, но в настоящий момент ни у кого нет абсолютного доминирования, нет только учителей или только учеников, как это было 25 лет назад. Можно сказать, что ученики в основном научились играть по новым правилам, а перед учителями встали свои собственные вызовы, с которыми им очень непросто справиться. Например, уже не стоит вопрос о продвижении базовых идеологических ценностей западного мира на новые территории, что еще недавно выглядело как естественная часть процесса глобализации в мире. Речь идет о том, что их надо защищать уже в сердце Запада и не только от мигрантов с Востока, которые живут по другим правилам организации и приносят эти правила с собой. Сегодня их надо защищать и от импульсивной ответной реакции части западных обществ, которые все больше опасаются внешнего влияния и становятся склонны к изоляции.

Пусть весьма гипотетическая, но все же большая вероятность изоляции становится главной угрозой для современного глобального мира. Преимущества последнего уже не так очевидны, в том числе для тех, кто, как считают за пределами Запада, является главным бенефициаром процессов глобализации. Страны начинают все больше думать о своих интересах на фоне больших проблем в мировой экономике и межгосударственных отношениях.

Никто не может сегодня сказать, что у него нет проблем. Но возможно это идеальная ситуация для сохранения глобального мира. И хотя обстоятельства сегодня выглядят

как возвращение холодной войны, на самом деле это даже не ее арьергардные бои. Потому что сегодня нет неразрешимых противоречий, нет противостояния идеологии. Как никогда в истории интересы связаны с товарно-денежными отношениями, на этот раз в глобальном масштабе.

Сегодня открытые конфликты – это слишком большая роскошь. Сейчас время бухгалтеров и любой конфликт в первую очередь это набор цифр, баланс активов и пассивов.

Поэтому и все дискуссии о преимуществах или недостатках новых и старых интеграционных объединений, как континентальных, вроде Европейского или Евразийского Союзов, так и трансконтинентальных, вроде ТТП и ТТИП, это вопрос интересов и тесно связанных с ними цифр и конкуренции. Но очевидно, что все они отражают стремление найти новые возможности для своего развития, что в нынешних условиях означает поиск возможностей и для глобального мира. Потому что глобальный мир лучше изоляции.

В этом смысле развитие центральной части Евразии служит делу создания новых возможностей. И дело не только в том, что сегодня мировая торговля возвращается в центр континента, откуда она ушла 500 лет назад, хотя само по себе это имеет огромное историческое значение. Важно также, что это вовлекает в глобальную экономику новые рынки, создает новый спрос. В то же время большое значение имеет то, что это открывает новые возможности для land locked countries центральной части Евразии. Данные государства, расположенные между великими империями прошлого и будущего, получают новый шанс для своего развития и для глобального мира.

2016-й год во многом стал рубежным для всего мира, представив контуры весьма турбулентного будущего. Политические системы, считавшиеся эталонными, вынесли наверх лидеров, которые очевидно не нравятся значительной части общества. Системы «сдержек и противовесов» дают

сбои, а популисты получают возможность диктовать свою повестку. Противоречия между великими державами усиливаются, выливаясь в форму локальных конфликтов или геэкономического противостояния. Наконец, многие страны сталкиваются с серьезными внутренними вызовами, которые спровоцированы неверными управленческими решениями предыдущих лет. Поиск коллективных ответов на международном и региональном уровне – желаемый, но далеко не неизбежный сценарий. В этих условиях возможность вести диалог становится одной из важнейших ценностей, а площадки, поддерживающие общение между различными центрами силы, выходят на передний план как генераторы прорывных идей, способных вывести Евразию и мир из идейного кризиса.

Именно в этих непростых условиях Астанинский клуб продолжает оставаться мировой площадкой, где ведущие эксперты, представляющие ключевых глобальных игроков, могут говорить открыто о судьбах Евразии – мегаконтинента, сохраняющего свое значение. Дискуссии экспертов должны помочь трансформации дискурса о Евразии, перевести его из русла конфронтации в русло строгого анализа и поиска баланса интересов, который мог бы помочь превратить регион из поля глобальной игры на разрыв в пространство для сотрудничества и выстраивания доверия.
